

Айгуль Михневич

Приштерь
таш
туфли

Исповедь беглянки

Айгуль Михневич

**Примерь мои туфли.
Исповедь беглянки**

«Издательские решения»

Михневич А.

Примерь мои туфли. Исповедь беглянки / А. Михневич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-563033-9

Эта книга о том, как девочка, мечтавшая о смерти с шести лет, вырвалась из ада и стала неисправимой оптимисткой. О том, как важно верить в свои силы, мечтать, учиться, работать над собой, стремиться к намеченным целям. О том, какую роль в жизни могут сыграть люди, не имеющие с нами кровного родства. Именно они могут стать опорой и поддержкой тем, кто лишён любви в родительском доме. Книга «Примерь мои туфли» открывает мир подростка, страдающего, любящего, мечтающего.

ISBN 978-5-00-563033-9

© Михневич А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Чулпаново	8
Кривое Озеро	10
Глава 2.	14
Солдатик	14
Целых 18 рублей	16
Как убить любовь?	18
Всё-таки родня	20
Где твои дети?	22
Глава 3.	26
Чтобы у нас был отец	26
Братец и семейные проблемы	28
Глава 4.	33
Дом и двор	33
Я – Курнос	36
Глава 5.	38
Катюша	38
Гузель	40
Эльвира	41
Глава 6.	43
Маленькая, да удаленькая	44
Наша Гаиля	45
Кто тебе не нравится?	48
Первая любовь	49
Учителя	51
Глава 7.	55
Глава 8.	57
Круче Диснейленда	57
Бедная тётушка!	59
Сестра моя!	61
Ранняя пташка	62
Дядя Халим	63
«Летящая»	64
Пчёлы и мечты	65
Глава 9.	66
Пусть ей станет легче	66
Бёдрышко? Крылышко?	69
Не чавкать!	70
Мой грех	72
Чистота на «пять с плюсом»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Примерь мои туфли Исповедь беглянки

Айгуль Михневич

Посвящается моим ангелам: Алисе, Елизавете и Алине

Прежде чем осуждать кого-то, возьми его обувь и пройди его путь, попробуй его слёзы, почувствуй его боли. Наткнись на каждый камень, о который он споткнулся. И только после этого говори, что ты знаешь, как правильно жить.

Далай-лама XIV

Слишком много в мире людей, которым никто не помог пробудиться.

Антуан де Сент-Экзюпери

© Айгуль Михневич, 2022

ISBN 978-5-0056-3033-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я сижу в залитом солнцем саду и смотрю на малыша, лежащего на коврике под пальмами. Моя третья дочь беззаботно рассматривает игрушки, грызёт их, знакомится с миром. Мои дети растут в условиях, о которых я в своём детстве даже мечтать не могла.

Меня зовут Айгуль Михневич. Родилась я в Татарстане, сейчас живу на Кипре с мужем и тремя детьми. Веду просветительскую деятельность, пишу статьи, в декабре 2016 года здесь, на Кипре, основала русскоязычный интеллектуальный «Светский клуб». Говорят, я одна из самых известных личностей в русскоязычном сообществе Кипра. Да, у меня несколько скандальная репутация, так как с детства отличаюсь стойким отвращением ко лжи, предательству, подлости и лицемерию.

Последние несколько лет я пишу так называемые «Разговоры с подушкой» – это размышления о жизни, воспоминания о прошлом и реакция на события в настоящем. Многие считают их слишком откровенными: прямота, честность и открытость шокируют публику, но по-другому у меня не получается. Пишу, как есть, иначе кто поверит автору? Например, после стрельбы в одной из казанских школ вспомнила, как сама подвергалась травле соучеников. Будь у меня возможность достать оружие тогда, направила бы я его против одноклассников? Стала бы стрелять? Не знаю. Но ведь именно такие, как я, находятся в группе риска.

Нередко возвращаюсь к дневникам, которые вела с четырнадцати до девятнадцати лет. Конечно, записи мои далеки от совершенства, однако поражаюсь тому, насколько ярко в них запечатлены ключевые моменты жизни, как много в этих тетрадях зрелых размышлений, чувств, эмоций, переживаний. И я делюсь иногда отрывками из дневника в «Разговорах с подушкой». Найти их можно в моём блоге в интернете: www.aygul-cy.livejournal.com.

Несколько лет назад я прочитала книгу Павла Санаева, о которой много слышала, но боялась открывать из-за жутковатого названия – «Похороните меня за плинтусом». Боялась прочитать историю, похожую на мою. Боялась вновь погрузиться в боль и удушающую безысходность, которая иногда охватывала мою душу. Всё, однако, оказалось не так страшно. Мальчика, жившего некоторое время с деспотичной бабушкой-психопаткой, в итоге забрала любящая мама, избавив от мучений.

Вспоминая историю этого мальчика, я много раз говорила себе: «Надо писать! Надо написать книгу о своём детстве!» Подруги тоже в один голос твердили: «Пиши!» Но я всё не решалась. Кому это надо? Кто будет это читать? Не рановато ли для мемуаров? Несколько раз начала и бросала, думая, что не следует «выносить сор из избы».

Но с каждым днём убеждалась, что эта книга нужна миру, она должна быть! На самом деле я начала писать её почти двадцать пять лет назад. Вела дневники, уверенная в том, что когда-нибудь они пригодятся. Они были моей отдушиной, когда не с кем было поговорить, некому было открыться и облегчить боль. Я делилась с бумагой самым сокровенным, не боясь осуждения и непонимания. Именно поэтому всё это так ценно и важно сегодня.

О чём моя книга?

О том, как девочка, мечтавшая о смерти с шести лет, вырвалась из ада и стала несправимой оптимисткой.

О том, как важно верить в свои силы, мечтать, учиться, работать над собой, стремиться к намеченным целям.

О том, какую роль в жизни могут сыграть люди, не имеющие с нами кровного родства. Именно они могут стать опорой и поддержкой тем, кто лишён любви в родительском доме.

Эта книга будет моей исповедью. Я постаралась максимально сохранить оригинальные тексты дневника. Поэтому прошу тебя, дорогой читатель, отнестись с пониманием к возможным недостаткам, ведь речь идёт о подростковом видении жизни.

Имена некоторых героев изменены по этическим соображениям.

Глава 1

Корни

Чулпаново

Началась эта история в далёкие советские времена в живописной глубинке на юге Татарской АССР. Село Чулпаново находится на берегу реки Черемшан. Места там удивительно красивые, богатые, плодородные. Люди добрые, интересные, своеобразные.

Молодой красивый Ильяс (имя вымышленное – А.М.), вернувшись из армии, влюбился в продавщицу местного сельмага. Ради неё он бросил девушку, которая дожидалась его из армии. Родители были против продавщицы. Они боялись, что, если у неё в магазине случится недостача, им придётся продать единственную корову. Чем тогда семью кормить?

Но юноша настоял на своём и женился на любимой.

Сразу после свадьбы мать на горе молодой супруге отправила сына на свидание к той самой красавице, которая ждала его два года. Каким образом можно заставить молодого человека в первую брачную ночь уйти от любимой к нелюбимой, не знаю, но именно эту историю я много раз слышала в детстве.

Так семейная жизнь моей матери не заладилась с самого начала. Свекровь была злой и властной. Говорили, что в молодости она была очень красива и разбила немало мужских сердец. Изучив слабые стороны невестки, она быстро заставила ту пожалеть о браке, случившемся против её материнской воли.

Получив благословение от матери, молодой супруг не стал разрывать связь с девушкой, которая ублажала его в первую брачную ночь. Она родила ему двоих детей. Первый сын появился примерно в то же время, что и моя старшая сестра, в том же селе. А через пару месяцев после моего рождения на свет появился их второй мальчик. Говорили, что потом эта женщина родила ещё троих детей от разных мужчин. Вышла ли замуж, не знаю.

Подозреваю, что у отца моего есть ещё одна незаконнорождённая дочь. Друзья встречали в нашей местности девушку, похожую на меня, словно двойник. Подходили, обознавшись, встречали недоумение в ответ на приветствие, а потом высказывали мне обиды – мол, странные у тебя шуточки, Айгуль. Уверена, это внебрачная дочь моего похотливого отца.

Насколько я поняла из рассказов взрослых, семья, в которой вырос отец, не отличалась супружеской верностью. Один из его братьев был только официально дважды женат. Красивый, интересный. У него родилось пять дочерей от разных женщин, и всех девочек он назвал одним именем.

Дед мой и его сыновья были любителями женских прелестей. Сколько детей они наплодили в общей сложности, одному Богу известно.

Как-то к одной из моих двоюродных сестёр подошла девушка и сказала:

– Почему ты со мной не здороваешься? Мы же родственницы!

– Таких «родственниц», как ты, у нас пол-Татарстана. Что же мне теперь, со всеми здороваться? – ответила та чуть высокомерно.

Отец по профессии был электриком, увлекался фотографией, что делало его очень популярным. К алкоголю, по словам матери, был равнодушен, не курил и вообще был красавец мужчина, весёлый и привлекательный.

Спустя много лет при каждой встрече его старенькая мать будет цепляться за мои руки и плакать, причитая:

– Я не виновата, что вы остались сиротами! Я не хотела, чтобы они развелись! Я не виновата...

Лицемерие – одна из особенностей этого семейства.

Кривое Озеро

Мать родилась в двенадцати километрах от Чулпанова. Моя любимая деревня – Кривое Озеро. Жителям чудом удалось спасти свою мечеть от разрушения, когда пришла советская власть. Наша мечеть никогда не закрывалась.

Всю свою сознательную жизнь я наблюдала за тем, как бабушка и дедушка читали намаз по несколько раз в день.

Мать рассказывала случай из своего детства. Однажды она пришла из школы и сообщила:

– Мама, нам сказали, что Бога нет.

Та схватила её за волосы и заперла в чулане:

– Чтоб я этого больше никогда не слышала!

Семья была очень набожной, но это не мешало братьям моей матери пьянствовать ещё со школьной скамьи, избивать и унижать сестру (младших они не трогали), драться с соседями. Мать говорила, что в деревне особой жестокостью отличались наша и ещё одна семья, остальные жили мирно, в любви и согласии.

Однажды она призналась:

– Я не хотела бы вернуть ни одного дня из своего детства.

Надо ли говорить, что предложение моего отца могло быть воспринято как возможность сбежать из родительского дома?

Всего у матери было четверо братьев и две сестры. Когда в семье появилась первая девочка, дед выбежал на улицу и закричал:

– У меня дочь родилась!

Она была долгожданная, ровно на десять лет младше своего старшего брата. Вслед за ней родились ещё две девочки, одна из которых оказалась очень болезненной, а другая – просто самая маленькая. По словам матери, к младшим относились более ласково, чем к ней.

Расскажу об одной особенности, присущей татарскому народу. У татар младшие всегда должны подчиняться старшим, беспрекословно. Слова родителей – закон.

Родителям нельзя перечить, им нельзя высказывать своё неудовольствие, надо угадывать их желания и подчиняться во всём. В отношении детей им можно всё, просто потому, что они родители. На них молятся и ставят на место Бога.

Как в армейском анекдоте: первый пункт устава – командир всегда прав; второй пункт устава – если командир неправ, смотри пункт первый.

Родители всегда правы. ВСЕГДА. И говорить о них должно исключительно с придыханием и поклонением.

Старшие братья и сёстры обладают почти рабовладельческими правами. В классической татарской семье им тоже следует подчиняться беспрекословно. Правда, старшие при этом должны защищать, обучать и оберегать младших, но...

В искажённой интерпретации этих правил про уважение к личности младшего речи не идёт. Обычно в таких случаях младший становится чем-то вроде чернорабочего, боксёрской группы и мальчика на побегушках в одном лице. В случае отказа подчиняться в ход идут кулаки, оскорбления, разные способы унижения и прочее.

Так было в нашей семье.

Именно той искажённой интерпретации татарских традиций моя мать хлебнула в полной мере в своём детстве. Это отразилось на её характере, отношении к окружающим и атмосфере, которую она создала в нашем доме.

Ещё вспоминали, что она писала сатирические стихи и заметки, за которые ей часто доставалось, так как в деревне их читали громко, посмеиваясь над соседями. Полагаю, именно от матери мне досталась склонность к злой иронии и сарказму.

Мой прапрадед был настоящим богатырём. Мог одной рукой вытащить коня с повозкой из трясины. Но опасался призыва на службу в царскую армию. И если кто-то замечал эту его силу, говорил:

– Расскажешь кому – убью!

Когда во время работы в поле наступал обеденный час, прапрадед громко кричал в сторону деревни:

– Жена, неси еду!

И она слышала его, бежала на зов.

Моя прабабушка, мама дедушки, прожила почти до ста лет. Помню старую слепую женщину, лежавшую на диване. Она умерла, когда мне было лет шесть или семь.

Одна из двоюродных сестёр Лейсан рассказывала:

– Лежала она редко, большую часть времени сидела. Ела каждый день по листку алоэ. Когда я мыла полы, проверяла рукой, качественно ли. Каждый день надевала всё чистое. Она очень мою маму любила. Та её кормила всегда и ухаживала. Я хорошо помню, как она умирала. Переделась во всё чистое и попросила меня заплести ей волосы. Потом легла и умерла.

Дед был невысокого роста, смуглый, черноглазый. Мастер на все руки, работающий и очень энергичный. Не чурался никакой работы.

Из воспоминаний Лейсан:

– Я с ним валенки валяла в бане, он меня учил. Как сейчас помню всё детально. А ещё он печи клал и срубы рубил. Даже когда не мог физически работать, к нему приходили и просили просто постоять, посоветовать. Не выговаривал звук «р» и, когда ругался, это так смешно звучало. Делал отменные ножи из непригодных для работы кос. В мастерской у него был верстак и очень много инструментов. Там же был чугунный круг, на котором он отбивал косы и делал ножи. Зимой на озере выпиливал кубы из льда и отвозил их в погреб. Там этот лед был даже в июле-августе. Каждое утро ходил на рыбалку, и мне приходилось чистить целую ванну рыбы. Раков они не ели, отдавали курам. Я так хотела всегда сварить и поесть, но бабушка считала их грязными животными. Дедушка никогда не ел разогретую пищу. Ему готовили три раза в день.

Всё детство я ела качественный домашний мёд. Дед, а затем и его старший сын, были пчеловодами.

Ох уж эти пчёлы! О них я расскажу подробнее, когда буду писать о Кривом Озере.

А вот бабушка... Бабушка была удивительной женщиной. Внешность её была не слишком примечательной: невысокий рост, светлая кожа, добрые светлые глаза. Но до чего она была мудрая, кроткая, терпеливая, стойкая! Сколько горя она испытала в своей жизни! Но это не сделало её жестокой, скорее, наоборот. Она была очень отзывчивая, понимающая.

У неё я училась со смехом рассказывать о своих проблемах. Когда было больно, она смеялась; когда было страшно, она тоже смеялась; когда переживала за кого-то, снова находила повод для смеха. А потом тихо плакала у озера, когда никто не видел.

Если хотела до кого-нибудь донести свою мысль, выдавала её иносказательно в разговоре с другим человеком, но в присутствии того, кто должен был это услышать: «Сынок, тебе говорю, дочка, ты слушай». В таком поведении был глубокий смысл. Следуя уроку бабушки, я стала писать «Разговоры с подушкой» в интернете, обращаясь к людям через посредника в виде условной подушки.

Она никогда не жаловалась на здоровье. Умирая от рака, начинала стонать от боли только тогда, когда впадала в беспамятство. Всё остальное время тихо улыбалась, старалась шутить.

– Вот видишь, все берегли меня от одного, а я умираю от другого, – говорила она мне с ласковой улыбкой незадолго до смерти.

Из воспоминаний Лейсан:

– Дедушка с бабушкой часто на мотоцикле уезжали в лес на цветение черёмухи, собирать орехи, калину. Но, думаю, он увозил её просто отдохнуть от дома. Бабушка была, как девчушка, с ним. Часто смеялась над его шутками, прикрыв рот рукой.

Она была очень мудра и хитра. Умело манипулировала мужчинами, да так, что никто и догадаться не мог, что ими манипулируют. Но и наивной простоты в ней было немало.

Вспомнился смешной случай. У дедушки тогда ещё были проблемы с алкоголем. Бабушка спрятала водку в корзину, где гуси высиживали яйца. Он это распознал и говорит:

– В другом конце деревни у кого-то водка стояла в тёплом месте и вся испортилась. Представляешь!

Тут наивная женщина ему всю водку и отдала.

А ещё бабушка одной из первых в деревне стала носить капроновые чулки, поскольку была приезжей. Помнила, как девушки одевались там, откуда она родом. В молодости подкрашивала брови углём.

Она всегда пела, когда что-либо делала. Вязала берёзовые веники, положив табуретку набок, и пела под ранетками около маленького гаража, которого давно уже нет. Думаю, ей это просто нравилось. А потом они с дедушкой вешали эти веники в бане наверху, на жёрдочке. Бабушка очень часто пела.

Я тоже люблю петь. Пою при любой возможности. Под каждое состояние у меня свой мотив. Иногда весёлый, иногда не очень.

Я расслабляюсь, когда пою. Это медитация, которая спасает от депрессий, помогает сбросить негатив, настроиться на положительный лад, освободиться от накопившегося и мечтать.

Когда в доме случается ссора, буквально через несколько минут могу начать петь. Не потому, что мне хорошо, а потому, что надо восстановиться, успокоиться. Это мой способ перенастройки души.

В детстве мне часто говорили: «Айгуль, не пищи!» – и я бывала вынуждена замолчать. Любила оставаться одна, потому что можно было петь без страха. А сегодня муж закрывает двери, когда я забываюсь и начинаю петь рядом. Благо, дом большой, есть где отвести душу, не слишком надоедая своими трелями.

*На семейной фотографии на руках у отца.
Мне 2 года.*

Глава 2. «У тебя нет папы»

Солдатик

Я появилась на свет, когда родители переехали в молодой город Набережные Челны.

В те времена он был большой всесоюзной стройкой, куда съезжались рабочие из разных уголков страны. Кто-то жил уже в новых домах, иные ютились в коммуналках (у нас они назывались малосемейками), кому-то приходилось наслаждаться «романтикой» строительных вагончиков. Но жили дружно, весело, помогали друг другу.

Первое время мои родители ютились в коммуналке с добрыми соседями, которых мать потом вспоминала всю жизнь.

Я – ребёнок, от которого решили не избавляться, чтобы у старшей дочки (назовем её Аидой) был родной человек на этом свете.

Отношения в семье уже были плохие. Мать сделала несколько абортос после рождения старшей дочери, но меня почему-то оставила. Подозреваю, что в глубине души она всё же надеялась удержать мужа двумя детьми. Советские женщины не слишком задумывались о том, что аборт – это убийство. Тогда это было нормально. Тогда был атеизм, у людей не было Бога, хотя моя мать выросла в религиозной семье. Ждали мальчика. Аида показывала на пузо и говорила:

– Там растёт солдатик.

Заглянув в прекрасное июньское утро в предродовую палату, мать обратилась к женщинам, которые мучались от боли:

– Бабы, чего вы разорались? Успокойтесь уже!

– Посмотрим, как ты закричишь, когда рожать начнёшь, – ответили те.

– А вот и не закричу, – сказала она гордо.

Считается, что второго ребенка родить легче, чем первого. Бывает, конечно, по-разному, но в случае со мной матери повезло.

В роддоме шла пересменка. Не успела мать толком взобраться на кресло, как я буквально пулей вылетела из её чрева. Когда доктора, наконец, обратили на нас внимание, я уже лежала у неё на ногах, тёмная, как невытая картошка.

Я очень торопилась на этот свет. Мне зачем-то надо было.

Ждали мальчика, а появилась девочка с боевым характером. В Татарстане тогда всюду отмечали Сабантуй.

«Сабан» в переводе с татарского означает «плуг», «туй» – «праздник».

Сабантуй – это «праздник плуга». Его устраивают после окончания посевной. Это большое красочное мероприятие с песнями, плясками, весёлыми конкурсами и вкуснейшими угощениями.

Хотите познакомиться с татарской культурой, приезжайте в Татарстан в июне. Вы увидите национальные танцы, услышите наши песни, посмотрите на татарскую борьбу, бой мешками на бревне, на удальцов, способных добраться до самой верхушки скользкого столба и достать кожаные сапоги или какой-то другой подарок.

Главный силач (батыр) получит приз в виде барана, которого он взвалит на плечи и унесёт домой.

Много весёлых конкурсов для детей: бег в мешках, разбивание горшка с закрытыми глазами, срезание подарков с верёвочек и многое-многое другое.

Здесь же можно отведать настоящую татарскую кухню: эчпочмак, губадию, кыстыбый, кош теле, чак-чак и т.д.¹

В 2019 году я стала одним из организаторов первого татарского Сабантуя на Кипре. Для большинства гостей это была экзотика. Получился большой семейный праздник примерно на сто пятьдесят человек. Всем очень понравилось. Особенно радовались дети.

Когда я, маленькая, спрашивала взрослых, откуда я взялась, вместо привычного всем «нашли в капусте» говорили, что я сидела среди куколок на Сабантуе.

Через несколько месяцев после моего рождения старшей сестре исполнилось три года. Да, разница у нас небольшая.

Ещё младенцем я впервые оказалась на грани жизни и смерти – подхватила какую-то инфекцию. Доктор выписал лекарство, которое делали на заказ на другом конце города. Оставить одну меня было нельзя – я могла умереть в любой момент. Отца рядом не было, и мать попросила присмотреть за мной соседку, сама же полетела в аптеку, боясь, что к моменту её возвращения меня не станет. Общественный транспорт ходил плохо, она потратила на поездку несколько часов, всё время пребывая в страхе потерять ребёнка. Но всё обошлось благополучно – лекарство она добыла вовремя, и я осталась жива.

¹ Эчпочмак – татарское и башкирское национальное блюдо, печёное изделие из дрожжевого, реже пресного теста, с начинкой из картофеля, мяса, как правило, говядины, баранины, гуся или утки и лука. Губадия – блюдо татарской, а также чувашской и башкирской национальной кухни, закрытый круглый многослойный пирог. Традиционный вариант сладкий и подаётся к чаю, однако, существуют вариации рецепта, включающие мясо. Кыстыбый представляет собой пресную печёную лепёшку, начинённую кашей (чаще пшённой), или рагу, а с недавнего времени и картофельным пюре. По виду напоминает незакрытый пирог или сочень – начинка кладется на одну половину лепёшки и закрывается сверху второй половиной. Кош теле – хрустящие кусочки сладкого теста. Чак-чак – мучное восточное печенье из обжаренных во фритюре кусочков теста, перемешанных с медовым сиропом.

Целых 18 рублей

Через пару месяцев после меня в Чулпанове родился второй сводный брат. Матери об этом, конечно, тут же доложили.

Отец работал электриком на птицефабрике, и родителям выдали просторную трёхкомнатную квартиру в длинном пятиэтажном доме. Они переехали туда 23 февраля 1984 года. Я хорошо запомнила эту дату, ведь этот дом почти мой ровесник, а переезд стал подарком отцу на день Советской армии и Военно-морского флота (тогда этот праздник назывался так). В этом доме все друг друга знали, все были работниками одного предприятия.

Маминой зарплаты бухгалтера детского сада едва хватало на жизнь, и мать была вынуждена подрабатывать, оставляя меня, спящую, дома одну. Первые полгода или больше я спала по шесть часов кряду. Мать даже беспокоилась, ходила проверять, жива ли.

Отношения в семье всё ухудшались. Отец часто не ночевал дома. Вечные ссоры и скандалы сопровождали первые годы моей жизни. Но я любила отца. По словам матери, он тоже очень любил нас с сестрой.

Однажды во время очередной ссоры матери стало плохо, она упала. Он перешагнул через неё со словами:

– Пока не сдохнешь, не поверю.

И вышел из квартиры. Ушёл к женщине, которая жила в нашем же доме. Окна нашей спальни выходили на её окна.

Развод оформили незадолго до моего третьего дня рождения.

Когда отец пришёл с понатыми в полупустую квартиру делить скудное имущество, случился эпизод, о котором знаю со слов матери.

Едва любимый родитель появился на пороге, я ужасно обрадовалась, ведь видела я его редко и очень скучала. Маленькая трёхлетняя девочка, я подбежала, ласкаясь, как котёнок.

– Папочка! Папочка!

Он взял меня на руки, посадил на колени. Я целовала его глаза:

– А это папины гла-а-а-зки!

Прикасалась к его ушам:

– А это папины у-у-у-шки!

Трогала его нос:

– А это папин но-о-о-о-о-сик!

Положила пальчики на его губы:

– А это папин ро-о-о-о-о-тик!

Не могла на него насмотреться. Он наконец-то пришёл! Я очень его любила.

За этой картиной умиленно наблюдал наш сосед, здоровенный мужчина. Остальные тоже смотрели на нас с интересом, забыв о цели визита. Внезапно отец взглянул на потолок, вспомнил что-то, равнодушно посадил меня на диван и пошёл снимать люстру в прихожей.

От этого соседу стало плохо. Он увидел мой растерянный, непонимающий взгляд, слёзы, блеснувшие в глазах, и его сердце не выдержало. Он вышел на балкон и рухнул на бетонный пол. Его увезли на «скорой».

Другие тоже были шокированы поведением отца. Всем было жаль меня. Его волновало имущество, а не чувства детей.

Мать просила:

– Оставь хоть армейскую карточку детям на память.

– Ещё чего! Она восемнадцать рублей стоит!

Конечно, разве можно оставить детям на память фотографию, которая стоила целых восемнадцать рублей!

В день, когда был оформлен развод, мне сказали, что папа с нами больше жить не будет. Я не стала устраивать истерик, спрашивать, почему папа не придёт, а села в зале в уголке и стала тихо плакать, вытирая слёзы с пальцев о голубые обои. Мать и бабушка смотрели на меня и не мешали. Я переживала глубокую личную трагедию брошенного ребёнка. Меня нельзя было трогать. Вскоре лицо стало синее-синее от голубых обоев. Когда успокоилась, меня умыли и уложили спать.

Уход отца сильно отразился на поведении матери и её отношении ко мне. Всё детство я чувствовала себя обузой, иногда даже начинало казаться, что она мне не родная мать. Психолог объяснила, что так часто бывает с детьми, которых рожают с определённой целью. А если цель не достигается, то и ребёнок становится не нужен.

Как убить любовь?

Отец женился на женщине, которая смогла хорошо устроить свою жизнь. Единственного сына она оставила на воспитание у своей мачехи в деревне. Городская квартира её была обставлена по тем временам очень богато.

Сразу после свадьбы она запретила моему отцу и его родственникам общаться с нами. О нас моментально забыли.

Вот только отец... Ещё несколько лет, когда супруги не бывало дома, он тайком пускал нас к себе. Играл с нами, угощал вкусностями, был ласковым и добрым. Я ОЧЕНЬ его любила. Однако незадолго до возвращения жены он выставлял нас из квартиры. Так мы поступали с бездомными котятками, которых нельзя было держать дома. Пока мать была на работе, мы брали их с улицы, заносили в квартиру, поили молочком, играли с ними, гладили, ласкали. А потом выносили за дверь и наводили порядок, чтобы мать ничего не узнала.

Для отца мы были такими котятками. Он был ласков с нами, но боялся гнева жены.

Многие татары поклоняются «золотому тельцу». По крайней мере, большинство из тех, кого я знала. Богатые родственники диктуют правила всей семье при условии, что они всех подкармливают. Кто богаче, тот и заказывает музыку. Кто перечит богатому родственнику, остаётся без места у кормушки. Более того, от такого человека могут отвернуться все родные.

Так случилось и с нами. Отец женился на богатой женщине. Она сразу заставила всех танцевать под свою дудку. Его родственники о нас забыли. Мы не видели их десять лет, пока не произошёл случай, о котором расскажу ниже. Сам же отец встречался с нами украдкой, а при супруге вёл себя, как послушный мальчик.

Мы жили в длинном пятиэтажном доме – двадцать семь подъездов. И вот представь себе ситуацию, дорогой читатель. По улице идёт пара, муж и жена. Две девочки узнают любимого отца и бегут за ним со словами: «Папа! Папа!», но он не оборачивается. Делает вид, что не знает их, ускоряет шаг, заходит в подъезд и поднимается на нужный этаж, к своим друзьям. Девочки садятся на крыльцо и ждут его выхода. А он то и дело смотрит в окно в ожидании их ухода.

Через некоторое время мать возвращается с работы. Соседи докладывают, что девочки не дают отцу выйти. Она идёт и забирает их, и только после этого пара возвращается домой, оглядываясь по сторонам.

Дома мать пытается объяснить детям, что так вести себя нельзя. Нельзя бежать за папой и звать его, он не обернётся и не поздоровается, когда рядом супруга. Может ли понять и принять трёх-четырёхлетний ребёнок, что он не нужен своему отцу, который только вчера катал его на спине, обнимал и целовал? Конечно, нет. А такие ситуации повторялись не раз.

Чтобы не платить алименты, отца формально (с помощью связей супруги) устроили на работу с минимальной зарплатой, из которой нам выплачивались мизерные суммы. Мать была вынуждена уйти из бухгалтерии в детском садике на должность птичницы на той самой фабрике, где работал отец. По его же желанию на его долю квартирной площади к нам поселились квартиранты, хотя он мог сделать так, чтобы квартира полностью принадлежала нам. Но чего можно ждать от человека, которому жаль восемнадцатирублёвой фотографии для собственных детей?

Правда, соседи оказались очень хорошими. Мать подружилась с ними и продолжала общение даже после того, как они уехали и квартира целиком оказалась в нашем распоряжении.

Ужасно трудно было смириться с тем, что отца нет. Я была наполовину сирота. «Нет отца» было клеймом на всём детстве. Пусть я и была законнорождённым ребёнком, но родители разведены. Отец избегал общения. И это – одна из первых кровоточащих ран в моей детской душе.

Это страшное слово – «безотцовщина». Ребенок «из неполной семьи»... Такие семьи иногда назывались «неблагополучными». К нам относились снисходительно, нас жалели. Я чувствовала себя второсортной из-за этого клейма.

Хотелось говорить, что у меня есть отец, ведь он был жив. Он жил в соседнем подъезде, совсем рядом. И всё-таки – безотцовщина.

– Нет тут ничего особенного, у нас полстраны – неполных семей. Тоже мне, трагедия! – скажешь ты, дорогой читатель.

Что уж говорить о послевоенных детях! Действительно, много детей росло без одного из родителей.

А что сейчас? Матери рожают «для себя». И ничего, живут вроде счастливо. А ты спроси этих детей, насколько они счастливы? Спроси ребёнка, который знает, что родитель живёт рядом, но не хочет с ним общаться, каково ему?

Я расскажу, каково было мне. Возможно, кто-то поймёт.

Комментарий моей подруги, которая одна воспитывает двоих детей:

– Я тоже напоминаю своим детям, как их папаша о них «заботится». Не из вредности или из желания сделать им больно, а из-за обиды – за себя, за детей, которых бросил. И ещё обидно, что дети его так же любят, как и меня, а он этого не заслуживает.

Дорогие родители, какие бы чувства вы не испытывали к партнёрам, с которыми расстались, просто примите как данность: любовь детей от этого меньше не станет. Даже если он обманщик, негодяй, подонок или кто-то ещё в этом роде, дети всё равно будут его любить. Будут злиться, обижаться за вас, но всё равно будут любить. Я не знаю причину этого феномена, но любовь к родителям в детях убить очень сложно, хотя и возможно с годами.

Мне было шесть лет, когда в детский сад зимой нужно было принести лопатку. Детям эти лопатки делали отцы, и мне хотелось, чтобы мой папа тоже сделал лопатку для меня.

Я пришла не вовремя. Открыла его супруга.

– Не приходи сюда больше. У тебя нет папы! – заявила она злобно.

Отец растерянно стоял у неё за спиной и молчал. Я тихо развернулась и ушла. Домой пришла мертвенно бледная. Больше в ту квартиру не ходила. Вскоре они переехали в другой район.

Наивная детская душа, сохраняющая надежду до последнего...

Первого сентября я пошла в первый класс и ждала, что он придёт на мою первую линейку. На каждый свой день рождения ждала от него хотя бы звонка. Особенно в тот год, когда получила паспорт. И в день окончания школы тоже. И в день совершеннолетия. А в девятнадцать случился первый брак, заключённый по мусульманским канонам. Я звонила ему, чтобы пригласить.

Нужно ли говорить, что он ни разу не появился?

Всё-таки родня

Кажется, мне было тринадцать, когда мы в очередной раз поехали в Кривое Озеро встречать Новый год. В поезде сестра познакомилась с девочками, которые ехали в Чулпаново, и всю дорогу с ними общалась. А через несколько дней в Кривом Озере появились неожиданные гости.

Те девочки рассказали соседям о знакомстве с нами, назвав имена и пункт назначения. Родственники отца поняли, о ком речь, и вспомнили вдруг о кровных узлах, связывавших нас. Решили пригласить к себе погостить.

Дядя Халим был против. Его злило, что все эти годы отцовские родственники нас игнорировали, а тут вдруг вспомнили. С чего бы это? Зачем? Он не хотел нас отпускать, был уверен, что мы там не нужны, но мать не стала отказывать. Бабушка её поддержала:

– Пусть поедут и сами увидят.

Как же она была права! Вскоре мы в этом убедились.

Принимали нас очень радушно. Мы заново познакомились со всеми родственниками, коих оказалось довольно много. Жили у одного из братьев отца в добротном каменном доме. Работящие, весёлые, жизнерадостные, двоюродные братья и сёстры были приветливы, старались подружиться.

Увидела я и сухонькую старушку со слезящимися глазами.

– Я не виновата, что ваши родители развелись... Я не хотела, чтобы вы остались сиротами... Я не виновата... – плакала она, держа меня за руки.

Гладила меня по лицу, улыбалась и плакала.

Что чувствовала я? Не помню. Любви точно не было. Она была мне чужой, как и я ей. Подозреваю, что её мучило чувство вины, пробудившееся под старость.

Мать рассказывала о том, какой злобной и мелочной она была, когда они с отцом развелись.

Дед был гораздо менее эмоционален. О чём-то расспрашивал, но как-то вяло, равнодушно.

Летом мы снова поехали в ту отцовскую деревню. Я подружилась с дочкой тётки, которая жила в Набережных Челнах. По характеру и возрасту мы очень подходили друг другу. Она была весёлая, интересная, энергичная, озорная. Мы с Альбиной быстро нашли общий язык.

Дом деда и бабки был разделён на две половины. В одной из них и жила эта девочка. Она предложила присоединиться к ней. Мы с сестрой останавливались у дяди Якуба. Когда я заявила, что хочу переехать в дом родителей отца, сестра была категорически против. Произошла очередная ссора. В дядином доме мне было скучно. Сестре было легче контролировать меня и демонстрировать всем власть надо мной, когда я была под рукой. Мне хотелось избавиться от её гнёта, да и с Альбиной было куда веселее.

Я вышла из комнаты и увидела дядю Якуба, лежавшего на диване и делавшего вид, что спит. Мне стало ужасно стыдно. Он так радушно принимал нас у себя, всячески старался угодить, а я почти кричала сестре, что мне было скучно в его доме, и он это слышал.

Через некоторое время он будет единственным из родственников, кто откажется подчиниться повторному запрету супруги моего отца на общение с нами.

Я перенесла свои вещи в дом бабки и деда. Альбина показала комнату:

– Вот здесь жили твои родители, когда поженились.

Я осмотрелась. Это было небольшое, довольно уютное помещение, тёплое и светлое. Стало больно. Хотелось расплакаться.

– А ведь мы могли бы быть счастливы здесь все вместе... – сказала я.

Да, я была ужасно наивной.

Как-то раз меня попросили пойти ночевать в дом дяди, так как приехали особые гости. Это оказались отец с супругой. Они заехали в Чулпаново по пути в Тольятти, не зная о том, что мы с сестрой гостим у его родных.

– Айгуль, твой отец приехал! – сказал кто-то.

У ворот стояла дорогая по тем временам машина. Я увидела мужчину, который таскал сумки из багажника в дом, его глаза были до боли знакомыми. Вокруг столпились родственники – всем было интересно, как отец встретит дочь спустя много лет. Где была сестра в тот момент, не знаю. Я стояла и молча смотрела на него, не решаясь подойти.

Отец! Человек, которого я ждала постоянно, которого мечтала увидеть все эти годы! Вот он, ходит рядом, такой близкий и такой далёкий!

Стояла и смотрела, надеясь, что он увидит, поздоровается, скажет что-нибудь. Но он ходил мимо, ни разу на меня не взглянув. Ему явно было не по себе.

– Дядюшка, неужели вы не узнали свою дочь? Что ж не поздороваетесь? – обратился к нему кто-то.

– Конечно, я узнаю людей, которые приехали в гости, – ответил он уклончиво, по-прежнему избегая моего взгляда.

Я поняла, что здесь мне не рады. Это было слишком унижительно, и я ушла.

Где твои дети?

Незадолго до той неожиданной встречи с отцом Альбина показывала мне его детские фотографии. А вскоре мы пошли купаться на речку, и там меня познакомили с мальчиком, удивительно похожим на отца. Этот мальчик словно сошёл с тех фотографий, что мы смотрели накануне.

– Айгуль, познакомься. Это твой брат.

– Привет, – сказала я просто.

Мы внимательно посмотрели друг на друга, кажется, перекинулись парой слов, и больше я его не видела. Это был младший из внебрачных сыновей отца, а где находился в то время старший сводный брат, не знаю. Никогда с ним не встречалась.

Всё своё детство мечтала о старшем брате. Хотелось иметь рядом сильное надёжное плечо. Казалось, что иметь брата – большое счастье, хоть я и видела обратные примеры среди друзей.

И вот тебе парадоксальная ситуация, дорогой читатель.

Мысли материальны. Физически старший брат у меня был всегда, но фактически его не было. Как сложилась судьба этих мальчиков, общаются ли они с отцом, не знаю.

В следующий раз мы встретились с отцом на похоронах супруга его сестры, живущей в Челнах. Покойный был очень хорошим человеком. Я плохо его помню, но впечатление о нём осталось самое приятное. Сильный, волевой, добрый, отзывчивый, он воспитал прекрасных детей, дал им хорошее образование, возил по заграницам, баловал, как мог. Он как-то особенно тепло меня принял, и я часто бывала у них в гостях. И вот нас пригласили проститься с ним.

Пришёл отец, сел в зале рядом с телом умершего. Мы были в комнате Альбины, когда кто-то спросил отца:

– Где твои дети?

– Вот там, – кивнул он.

Кто-то рассказал нам об этом разговоре впоследствии, так как поведение отца удивляло многих. Он не поздоровался с нами и ни разу не посмотрел в глаза.

Подозреваю, что после каждой подобной встречи супруга трепала ему нервы.

Через некоторое время после похорон Альбина деликатно попросила меня перестать звонить и приходить в гости – супруга отца вновь запретила общение с нами. И её послушались все, кроме дяди Якуба, который приехал за нами тем зимним вечером, когда мне было тринадцать лет.

Мне дважды объяснять не надо. На некоторое время я забыла дорогу в Чулпаново. Старшая сестра общалась с ними дольше, пока однажды не приехала неожиданно в Нурлат к одной из двоюродных сестер. Оказалось, что в тот день женился кто-то из наших родственников, и отец тоже был туда приглашён. Чтобы избежать напряжения на празднике, сестру попросили остаться дома присмотреть за десятилетним племянником. Больше, насколько мне известно, она туда не ездила.

Долгие годы я не понимала, как отец может бросить своих детей. В глубине души думала, что он всё же любит меня, просто жизнь так сложилась.

В девятнадцать лет поехала к нему в гости с мужем. Наш брак был заключен по мусульманским канонам, официально мы его не регистрировали. Очень хотелось посмотреть отцу

в глаза, убедиться в том, что я действительно ему чужая, что у него и вправду нет ко мне никаких чувств.

Было это зимой. Раздобыла адрес, приехала без звонка. Повезло: отец был дома. Увидев меня на пороге в сопровождении незнакомого человека, они с супругой явно опешили. Думаю, если бы пришла одна, меня бы выставили, как тогда, в детстве, когда пришла к нему просить сделать лопатку. Ненавижу лицемеров!

Его супруга засуетилась, сама любезность и доброта. Пригласила войти, усадила в зале на диван поближе к отцу, да так, что я ощутила тепло его напряжённого тела. Впервые за много лет я прикоснулась к нему.

До сих пор его жаль. Он был бледным, как полотно, и растерянным. Не знал, куда деваться, как смотреть на меня и что отвечать. Пока мы разговаривали в зале, супруга побежала в кухню готовить угощение. Выставила лучший сервиз, стол ломился от деликатесов и фруктов. Это надо было видеть! Так старалась, что можно было подумать, что передо мной сидела добрейшая женщина, словно и не было того зимнего дня, когда она выгнала меня из квартиры со словами «Не приходи сюда больше. У тебя нет папы».

Мы очень мило пообщались. Отец давал какие-то невнятные ответы на вопросы, почему он не появлялся в моей жизни все эти годы. Но мы разговаривали! Он предложил даже остаться на ночь, от чего мы, конечно, отказались. Я уехала окрылённая, надеясь, что обрела отца. Но скоро наваждение спало.

Представляю, как эта женщина бесновалась после моего ухода. Бедный, бедный папочка... Наверняка ему очень досталось от любимой жёнушки.

Мой спутник каким-то образом в ходе разговора выведал сведения о роде их занятий и имуществе. Я этого не заметила. Смотрела на отца, сидела, как в тумане. Мне было совершенно безразлично, чем они владели. Я приезжала к ОТЦУ и мечтала обрести его, наконец.

Через полгода мой пробный брак распался. В сентябре я позвонила отцу, чтобы поздравить с днём рождения.

– Как твоя семейная жизнь? – спросил он.

– Никак. Я слишком похожа на тебя, – ответила я с лёгким укором.

Мать говорила, что накопившиеся обиды могут помешать выстроить нормальные отношения. Так и получилось: я не могла не уколоть его.

Ещё через десять лет с трудом достала номер его мобильного и позвонила, чтобы узнать некоторые сведения, которые нужны были для получения нового гражданства. Обратилась по имени-отчеству, на «вы». Иллюзий больше не было. Когда попыталась объяснить цель звонка, он стал кричать:

– Ты что, не знаешь, как пишется твоя фамилия?!

Да, я не знала, как в паспортном столе наши паспортистки написали его имя и фамилию латиницей. Поняв, что нормального диалога не получится, сухо поблагодарила и попрощалась.

А потом взорвалась. Написала в смс-сообщении всё, что о нём думала, выразила накопившуюся боль и обиду, назвав его «почётным донором биологической жидкости Татарстана». Большого он не заслуживал. В тот день я увидела глубокую-глубокую пустоту в своём сердце, в том месте, где раньше была любовь к отцу.

Один момент так и остался для меня загадкой. Когда мне было восемь, а сестре одиннадцать, мать вышла замуж во второй раз. Отчим был готов нас удочерить, не хватало только согласия отца. Но тот почему-то отказался, хотя по-прежнему платил мизерные алименты и игнорировал нас. Почему? Ну, почему?! Поставь несколько подписей и избавься от расходов, сними с себя все обязательства и забудь, как страшный сон! Он этого не сделал. Подозреваю, что потом неоднократно жалел, что не воспользовался случаем.

С его матерью я виделась в последний раз, когда мой иностранец-жених приехал перед свадьбой в Татарстан знакомиться с семьей. Собрались ехать в Кривое Озеро. Мать сказала:

– Съезди в Чулпаново, попрощайся с бабкой. Скорее всего, ты её больше не увидишь.

Нас очень тепло приняли в доме дяди Якуба, которого уже не было в живых. Бабка в последний раз цеплялась за мои руки и плакала:

– Я не виновата... Я не хотела, чтобы вы осиротели... Я не виновата...

Через некоторое время она умерла. Сегодня её дом стоит заброшенный, никому не нужный. Я была там пару лет назад, заехала по пути из Кривого Озера. Захотелось посмотреть на те места. Родственников беспокоить не стала.

Однажды мне сообщили страшную весть: от передозировки наркотиков умер единственный сын супруги моего отца. Её внуки остались сиротами. Говорили, что на похоронах она плакала и вспоминала мою мать:

– Это она прокляла меня за то, что я увела у неё мужа.

Странная дама. Уж не знаю, проклинала её моя мать или нет, а вот мои детские слёзы вполне могли окропить могилу её сына, ведь я никогда не желала ему ничего плохого.

Я часто рассказываю эту историю друзьям, когда говорю о бумерангах, которые к людям возвращаются. Вот так, лишив детей отца, моя мачеха сама лишилась ребёнка.

Дорогие женщины, препятствуя общению ваших мужчин с детьми, подумайте, готовы ли вы заплатить за это преступление в будущем. Цена может быть очень высокой. Детские слёзы – это слёзы ангелов.

Однажды случайно увидела профиль супруги отца в соцсетях, посмотрела фотографии, и меня снова «накрыло». Судя по всему, дама эта весьма авторитетна, возможно, даже уважаема. Написала ей длинное злое письмо, полное горечи и боли. Я просила никогда не помогать людям бросать своих детей, так как это может привести к печальным последствиям. В ответ она разразилась упреками в адрес моей матери и попытками оправдаться, очернив её. Случилась весьма неприятная переписка, что вполне естественно.

Дорогие взрослые!

Поймите, детям совершенно безразлично, кто с кем спал и кто с кем кому изменял. Оставьте свои обиды, придирки, недовольства между собой. Не впутывайте детей в свои взрослые игры!

Детям нужны ОБА родителя, с кем бы вы ни спали и где бы ни жили. Дети нуждаются в безусловной любви и принятии со стороны обоих родителей. Им необходимо чувствовать, что они нужны и любимы.

В ходе работы над книгой, узнала, что, когда мы были совсем маленькими, отец говорил матери во время ссор:

– Это пёсьи дети, а не мои.

Этим псом был он сам, иначе вряд ли женщины спрашивали бы меня, его ли я дочь, когда встречали на улице.

Сегодня я не хочу вспоминать свою девичью фамилию, и тем более отчество. У меня их просто нет. Отчество бывает у человека тогда, когда есть отец. А фамилия говорит о принадлежности к роду. Их род с лёгкостью от меня отказался сразу после развода родителей. Поэтому сегодня они мне чужие, хоть и пытаются наладить контакт, напомнить о кровном родстве.

* * *

Закончив главу об отце, я растерялась. Как писать дальше? Рассказать отдельно о матери, потом о сестре и об остальных ключевых моментах жизни?

Про мать и сестру по отдельности писать трудно, ибо мы жили в одном доме, и события в моей жизни тесно связаны с обеими одновременно.

Расскажу о другой фигуре, повлиявшей на формирование моей личности. Это отчим, с которым мы прожили семь лет.

Глава 3. Отчим и младший брат

Чтобы у нас был отец

Когда мне было восемь, мать во второй раз вышла замуж. Новый избранник её был двухметровым мужчиной, носил «сорок последний» размер обуви, как шутили у нас в семье. Простой добрый мужик. Именно мужик. Не знаю, чем он очаровал мою мать, да меня это и не касается. Она всегда говорила, что вышла за него, так как хотела, чтобы у нас был отец. И он действительно готов был нас удочерить, но не вышло.

Поначалу Ильхам Таирович был добрым, и я его как-то сразу полюбила. Я вообще тянулась ко всем, кто проявлял тепло и ласку. Нам велели называть его папой, и я сразу стала говорить «папа». Когда нас повезли в деревню к его родителям, обняла своих новых родственников, словно они мне родные и мы просто давно не виделись.

Не знаю, как принято в других семьях, но в нашем роду со стороны матери не было «чужих». Приёмные дети сразу становились своими. У нас есть несколько двоюродных братьев и сестёр моего поколения, с которыми меня не связывают кровные узы. Это не помешало поддерживать с ними самые тёплые отношения в детстве. Мы росли вместе, в одном большом сообществе. Делили кров, стол, радости и горести, учились друг у друга, сочувствовали и помогали в беде. Конечно, ругались временами. Мы вместе познавали этот мир.

Именно потому, что в нашем роду не было «чужих», я сразу приняла новую семью. Наверно, так делают все дети в восемь лет?

Во втором браке моя мать была уже не юная дева, а взрослая, состоявшаяся женщина, гордая и независимая.

Многие наивно полагают, что в татарской семье главенствует мужчина.

Нет, нет и ещё раз нет, дорогой мой читатель.

В татарских семьях самый настоящий матриархат. Всем заправляет женщина. Женщина, которая ближе всех к самому сильному и влиятельному мужчине в клане. Что она нашепчет ему, то и будет. Обычно она умеет ловко манипулировать. Знает, кому что сказать и как представить, чтобы было так, как хочет она. Ссориться с ней очень опасно.

Есть чёткая иерархия, которой так или иначе подчиняются все представительницы прекрасного пола.

Как правило, главной является самая старшая женщина в роду. Помните мать Муртазы в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза»? Это классический пример.

Самая бесправная обычно супруга младшего брата. Первое время всем невесткам особенно тяжело. Тут уже очень много зависит от характера. Слишком мягкотелых и слишком добрых заключают моментально. Но в разных семьях бывает по-разному.

Рисуя образ будущего мужа, я хотела, чтобы у него было минимальное количество родственников. Хоть я и была хорошей хозяйкой, умела вкусно готовить, наводить порядок в доме и т.д., надеялась избежать того, через что проходили невестки в татарских семьях. Как их рассматривали после свадьбы чуть ли не под микроскопом, искали повод посмеяться.

Моя мечта сбылась. Я встретила такого мужчину.

Итак, выйдя замуж во второй раз, мать сразу показала всем, что ездить на себе не даст. Роли младшей невестки в семье она избежала, родители отчима её очень уважали. Более того, даже после развода свекровь надеялась, что она вернётся. Это были простые добрые люди, но ничего примечательного.

Ильхам Таирович переехал к нам из Казани. Привёз немного мебели и холодильник, который мы поставили напротив того, который уже был в доме.

Первое время жили хорошо. Отчим был ласков и добр со мной. Он работал водителем бетоносмесителя, на котором мы часто ездили на дачу. Так я узнала, как эта машина выглядит изнутри. Он был весёлым, часто рассказывал об армейской службе в ГДР.

За всё время мне запомнился только один эпизод полной идиллии между матерью и её супругом. Как-то раз я застала их лежащими в обнимку на диване. Рядом растянулся кот, которого мать поглаживала. Это был единственный случай, когда я видела мать особенно спокойной и удовлетворённой в обществе отчима.

Коты в нашем доме бывали, хотя с животными у нас были сложные отношения. Котов нам заводить разрешали, но они либо вскоре умирали, либо их тихонько отвозили на птицефабрику, либо случалось что-то ещё. Убирать за ними мы часто забывали, поэтому дома воняло, мебель была подрана. Помню, один из котят любил гадить у изголовья кровати матери. Ничего не помогало, пришлось от него избавиться. Ещё у нас были хомяки, которые тоже жутко пахли.

Я увлекалась аквариумными рыбками, мать меня в этом поддерживала. Начала я с круглого двадцатилитрового аквариума, закончила большим сорокалитровым. С последним случилась забавная история. Треснувший аквариум нам достался в обмен на старый телевизор с испорченным кинескопом. Обнаружив течь, я расплакалась. Воду в него можно было налить только до половины. Каким-то образом матери удалось его починить.

Не помню, чем закончилось это увлечение, но я всегда мечтала о большом аквариуме с разнообразными рыбками. Читала о разных видах и их совместимости. Много информации сохранилось в памяти до сих пор.

Братец и семейные проблемы

Когда мне было девять, родился младший брат. Уже в первый год совместной жизни у матери и отчима начались проблемы в отношениях. Оказалось, что он был закодированным алкоголиком. Не знаю, что стало причиной его возвращения к этой пагубной привычке, помню только, как на последних сроках беременности мать часто плакала, закрывшись в спальне.

Однажды Ильхам Таирович попытался поднять на мать руку, когда она готовила в кухне. Она схватила сковородку с кипящим маслом и пригрозила ответить. Больше он её не трогал.

Аида, моя старшая сестра, сразу приняла его несколько враждебно. С годами это чувство в ней только усиливалось. Они постоянно ругались, дошло до того, что однажды она встала у входной двери и стала кричать:

– Айгуль, дай мне нож!

Я сидела в зале и молчала. Вмешиваться в их ссоры было себе дороже. Он пошёл и сам принёс ей кухонный нож. Слава Богу, в тот раз обошлось без крови. Несмотря на нетрезвое состояние, ему удалось уговорить её и самому не сорваться. А Аида могла вывести из себя любого. С психикой у неё явно были проблемы. Подозреваю, что они есть и сейчас, во взрослом возрасте.

Во время родов у матери случилась клиническая смерть. Она рассказывала, что в тот момент у неё были видения. Пока врачи откачивали её, она летела куда-то вверх. Видела своё тело, лежащее на операционном столе. Какие-то голоса говорили ей:

– Тебе ещё рано. Ещё не время. Ты нужна своим детям.

Она вернулась.

И вот кесарево сечение – мальчик родился крупный. Мы сидели у телефона и ждали вестей из больницы, боялись за мать. Кажется, были разговоры о том, кому нас отдадут на воспитание в случае её смерти. А может, это я в уме перебирала варианты от страха. Об отце, конечно, речи не шло.

Всё обошлось, но после этого у матери было подорвано здоровье, что сказало на нашей дальнейшей жизни.

Активная стадия пьянства у Ильхама Таировича началась после рождения сына Рафика. Он отметил это с собутыльниками, а потом уже не смог остановиться. Атмосфера в семье заметно ухудшилась. Нет, она стала просто ужасной. У нас стали часто собираться его друзья, пили, о чём-то шумно разговаривали, спорили. Спал он в зале на полу, не раздеваясь. Запах грязной одежды, вонючих носков и перегара стоял невыносимый.

Мать то и дело выгоняла местных алкашей из квартиры. Одного спустила с лестницы, расплющив алюминиевую трубу от пылесоса о его спину, но тот всё равно продолжал к нам ходить.

Когда Рафик подрос, папаша стал приносить сладости, фрукты. Он прятал их в свой холодильник и пытался запретить нам, старшим сёстрам, открывать его. Всё самое вкусное предназначалось его единственному ребёнку.

– Если так, то ты покинешь этот дом вместе со своим холодильником! – заявила ему мать.

Конечно, никуда он не уехал, но всячески старался баловать только своё чадо. С какой стати он должен кормить чужих детей?

Что при этом чувствовали «чужие дети», догадаться нетрудно. Да, нам хотелось тех вкусных бананов, апельсинов, яблок, шоколадок, но всё это тщательно пряталось, а мы, когда нечаянно находили, понимали, что трогать это нельзя.

Ребёнок был настолько избалован вниманием, что от всех приходящих в гости ждал вкусняшек. Иногда даже встречал со словами:

– А что ты мне принёс?

И злился, когда приходилось делиться с нами. Он был пупом земли. Эдакий маленький божок, требующий поклонения.

Нас часто просили присмотреть за ним. Мать старалась не лишать нас детства, но...

Как-то раз мы все вместе гуляли во дворе. Я разговаривала с подружками, Рафик крутился рядом. Было ему тогда года три-четыре.

– Айгуль, присмотри за братом, – попросил меня Ильхам Таирович.

– Хорошо, – ответила я и продолжила разговор, поглядывая на малыша.

– Айгуль, ПРИСМАТРИВАЙ за братом! – перешёл на крик отчим.

– Да смотрю, смотрю...

– Нет, ты не смотришь! – разозлился он.

Я не понимала, чего он хочет. Через некоторое время мы наблюдали за тем, как двухметровый амбал носится за мальчиком, чуть наклонившись и растопырив ручищи, чтобы тот не упал и не покалечился. Вот так я должна была «присматривать» за братом.

А ещё был эпизод, о котором вспоминать страшно.

Младшему брату было около трёх лет, мне – двенадцать. В дождливый летний вечер мы остались дома вдвоём. Пока я занималась своими делами, он играл в спальне за закрытой дверью. В какой-то момент решила пойти посмотреть, как он. Нянькой я была никудышной. Открываю дверь и вижу ребёнка, стоящего в узком проёме окна. Он стоял, держась за раму, полшага отделяло его от того света. Ещё секунда – и конец... Малыш почти ступил на мокрый карниз, но увидел меня и остановился с невинным, чуть испуганным выражением лица.

Единственная радость в жизни своего отца. Единственный любимый сын своей матери. Маленький добрый мальчик, он стоял в окне третьего этажа. Внизу была бетонная дорожка шириной в метр...

Как мне хватило ума не закричать от ужаса, до сих пор не понимаю. Подошла к нему молча, медленно, без резких движений, аккуратно сняла с подоконника и, кажется, спокойно объяснила, что так делать нельзя. Не помню, чтобы я его ругала. Я его очень любила. Он был мне, как сын.

Страшно представить, что было бы, если бы я зашла в комнату на минуту позже.

Страшно представить, что было бы, если бы я рассказала об этом матери и отчиму в тот момент. Меня бы избили, искалечили, убили, выместив на мне весь страх и ужас, который в таких ситуациях обычно приходит постфактум.

Больше я его одного не оставляла. Он жив. Счастлив ли, не знаю. Но прошло уже почти четверть века, а я до сих пор помню мальчика, стоявшего в окне, словно это было вчера.

В присутствии отца для брата не существовало никаких запретов. Особенно если рядом не было матери. Возвращаясь из школы, мы часто обнаруживали в комнате беспорядок, испорченные личные вещи, разрисованные тетради. Пришлось даже повесить замок, чтобы ребёнок не мог зайти в нашу с сестрой комнату. Однако, когда нас не было, отец открывал дверь, и Рафик наслаждался вседозволенностью.

Ссоры случались, когда Ильхам Таирович требовал дать малышу вещи, которые мы отказывались давать, зная, что он их испортит.

Несмотря ни на что, я очень любила младшего брата, хоть иногда ему от меня тоже доставалось. В полтора года хотела начать учить его читать, но мать запретила, опасаясь, что стану его обижать. Аргументировала тем, что учить читать его будут в школе, а пока делать этого не следует, чтобы не навредить. В школе читать он так и не научился. Вернее, научился, но остался безграмотным. После отъезда за границу, устав от его глупейших ошибок в ходе переписки по интернету, однажды отправила в подарок электронный учебник по русскому

языку и что-то ещё в этом роде. Естественно, всё это полетело в мусорную корзину. От состоятельных родственников, живущих за границей, обычно ждут других подарков.

Мать всячески старалась оберегать своё любимое дитя мужского пола от тирании старших. Её братья были грубы с ней, и она боялась, что с нашей стороны к младшему брату будет то же самое. К тому же его отец был алкоголиком, и она боялась, что, если дать ребенку жёсткое мужское воспитание, он начнёт пить, когда станет подростком. Поэтому вся работа по дому лежала на нас с Аидой. Когда брат выносил мусор, это было геройство, но даже этому он сопротивлялся:

– Ну, почему я вечно должен выносить это ведро?!

Может, работа и не из самых приятных, но больше он ничего толком не делал.

Иногда, когда мы оставались вдвоём, мне удавалось уговорить его наводить порядок вместе. Я не сидела на диване и не отдавала приказы, как наша старшая сестра. Пока, например, я мыла посуду, он занимался какой-нибудь другой несложной работой. Мы работали вместе, одновременно. Он помогал мне, поэтому у него не возникало ощущения, что его заставляют работать, пока другие отдыхают.

У нас был общий враг – Аида. Она пыталась подчинить его себе, поднимала на него руку, но я вставала на его защиту, и ей не удавалось его калечить. А после переезда в другую страну я начала защищать его и от словесной тирании матери. Однажды услышала, как она с ним разговаривает, унижительно и жестоко.

– Ты хочешь, чтобы он сбежал от тебя так же, как я?

Она промолчала, но после моих слов к следующему приезду на родину ситуация заметно улучшилась.

При этом она берегла и баловала его:

– Он же мальчик, он слабый, его беречь надо. А вы девочки, вы сильные, вас не жалко. Да, мы были девочки, мы были сильные, а он – мальчик, и его было жалко.

Забегая вперёд, скажу, что в итоге мальчик всё-таки сбежал. Уехал в Казань, отказавшись дать матери адрес.

Когда материальное положение улучшилось, мать стала возить сыночка по заграницам. Боялась, что мы будем обижаться на неё, нам ведь этого не досталось, но лично я ни на что не претендовала. Она часто упрекала нас, что мы считали её матерью только, когда нам нужны были деньги, поэтому я и не думала что-либо требовать. Просто искренне радовалась за брата – хоть кому-то из нас досталось что-то хорошее. Привозили подарки из путешествий – и на том спасибо.

Как любой ребёнок, Рафик мог устроить истерику на ровном месте. Успокоить уговорами было нереально, и мы часто просили его уйти плакать в спальню. Это вошло в привычку: он мог по полчаса сидеть за закрытой дверью и громко причитать. Даже в подростковом возрасте. Так я научилась спокойно реагировать на детский плач.

Реакцию на детские истерики я тренировала и тогда, когда приходилось почти волоком тащить брата в детский сад. Он орал, сопротивлялся, падал на землю, отказываясь идти. Из-за этого временами я опаздывала в школу. Нервы мои получили хорошую закалку.

Ильхам Таирович часто водил грузовик пьяным. Однажды я узнала, каково это – ехать непристёгнутой с водителем, который почти не видит дороги. Эта картина до сих пор стоит перед глазами, словно было вчера, а ведь прошло уже больше четверти века.

В кабине сидели мать, маленький брат, я и сестра. Пьяный отчим был за рулём. Машину носило от одной обочины к другой. Было очень страшно. Мы то и дело вскрикивали, когда навстречу проносились другие автомобили. Я посмотрела ему в лицо и поняла, что он не может сфокусировать взгляд. Его глаза временами закрывались и резко открывались. Если бы мы не кричали, возможно, он легко уснул бы за рулём. Мать старалась сохранять спокойствие, но то и дело окликала его и просила ехать осторожнее. Полагаю, кричать на него, как бывало обычно, она опасалась, так как его действия были непредсказуемы. Мы чудом избежали аварии, но эту поездку я запомнила на всю жизнь.

После развода матери с отчимом мой младший брат в девять лет научился управлять грузовиком. В деревне у отца он сажал этого пьяницу в кузов и отвозил домой. Впрочем, рано обрётённый навык вождения не помог получить водительские права с первого раза – после учёбы в автошколе он несколько раз ездил на пересдачу.

Есть один эпизод, о котором я должна упомянуть в этой книге. Выводы ты сделаешь сам, дорогой читатель.

Во времена, о которых я рассказываю, интернета ещё не было. Телевизор был один на всю семью, а каналы переключались с помощью плоскогубцев.

Отчим сидел и смотрел какую-то передачу. Я зашла в зал и молча попыталась переключить то ли на мультики, то ли на детский фильм. Мне почему-то и в голову не пришло поинтересоваться его мнением. Просто пришла и стала щёлкать каналами. Он, естественно, возмутился. На крики прибежала мать. Я объяснила ситуацию, Ильхам Таирович громко выразил свою позицию. Мать, защищая своих птенцов, встала на мою сторону. «Пришельцу», коим был отчим в нашей квартире, пришлось отступить.

Вот так я училась «уважать» мужчин.

Лишь годы спустя поняла, насколько неправы были и мать, и я. Да, мне стало жаль этого человека.

Где-то в начале совместной жизни с Ильхамом Таировичем мать (я не могу называть её мамой) варила что-то в скороварке. Внезапно агрегат засвистел и выпустил большую струю пара. Двухметровый верзил моментально упал на пол и выполз из кухни, забыв обо всём на свете, в том числе о беременной супруге, которая находилась рядом. Он испугался, что скороварка вот-вот взорвётся.

– Трусом он был, – говорила мать, вспоминая этот эпизод, и добавляла, – любой «шпингалет» мог запросто набить ему морду.

Да, уважения она к нему не испытывала. Возможно, он действительно был таким, как она его описывала.

Мне было около четырнадцати лет, когда произошёл довольно яркий эпизод, который хорошо помню до сих пор.

Летний вечер. Отчим вернулся откуда-то в стельку пьяный. Он сидел на скамейке у нашего подъезда. Я в это время играла в бадминтон с местными ребятами. Отношения с ними у меня были, мягко говоря, напряжённые. К тому же я была влюблена в самого красивого мальчика во дворе. Он наблюдал за игрой.

Вдруг отчим начал засыпать. Медленно положил голову сначала на руки, потом на колени, а потом просто рухнул на бетонные плиты на глазах у публики, наслаждавшейся вечерней прохладой. У меня подкосились ноги, почувствовала себя раненой птицей. Хотелось провалиться сквозь землю.

Было ужасно стыдно за то, что эта пьяная скотина живёт в нашей семье. Если отчим – последний алкаш, то какая же я? Как можно ко мне относиться с уважением, зная, что живу в одном доме с конченным маргиналом? Ведь «скажи мне, кто твой друг...» Скажи, кто твой отец – и я скажу, кто ты.

Однажды я, мать и сестра вернулись домой, было около девяти часов вечера. Ильхам Таирович был дома с пятилетним сыном, железную дверь он запер изнутри. Мы звонили, стучали, колотили, думая поначалу, что он спит пьяный, как это уже бывало. Гремели на весь подъезд около часа или даже больше, грохот стоял такой, что можно было мёртвых пробудить на ближайшем кладбище. Перед соседями, конечно, было неудобно, но просидеть всю ночь под дверью тоже не хотелось. В конце концов отчим открыл. Оказалось, он слышал нас с самого начала, но велел Рафику молчать. И тот послушался.

Это стало последней каплей в материнской чаше терпения. На следующий день из деревни приехал дядя Халим – человек серьёзный, крепкий, закалённый тяжёлым физическим трудом. Он был очень зол, ругался, материл отчима. Помню, как подумала, сидя в ванной: «Сейчас он его ударит». И, действительно, как только мелькнула эта мысль, послышался звук удара.

В тот же день Ильхам Таирович собрал вещи и уехал к родителям в деревню.

Я знаю, что такое алкоголизм. За семь лет второго брака матери насмотрелась достаточно. Это не сделало меня убеждённой трезвенницей, но на восприятие мира повлияло очень сильно.

Долгое время пьяные визиты друзей воспринимала как личное оскорбление. Мужчины, набравшиеся смелости при помощи алкоголя, чтобы рассказать о своих чувствах, вызывали отвращение.

До восемнадцати лет к спиртному почти не прикасалась. Состояние опьянения не доставляло удовольствия. Скорее, наоборот, вызывало дискомфорт. Очень долгое время пить совершенно не умела, не знала своей меры. И это приводило к разным неприятным ситуациям во взрослой жизни.

Джордж Бернард Шоу сказал: «Алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием „жизнь“».

Однажды под Рождество, в очередной сложный период в жизни, я поехала в Прагу. Каждый день наслаждалась хорошим чешским пивом и в один прекрасный момент почувствовала легкую эйфорию, тревожные мысли отступили. Стало страшно. «Должно быть, именно так начинается алкоголизм», – подумала я.

Люди увлекаются анестетиком, но проблемы никуда не уходят. Более того, они усугубляются, ведь человек теряет способность адекватно воспринимать реальность и действовать соответственно. С таким же успехом можно вколоть человеку обезболивающее, сделать надрез там, где требуется операция, оставить это место гнить, продолжая кормить пациента анестетиками. Именно так губят себя алкоголики. Они живут, напичканные транквилизаторами, постепенно сгнивая заживо на помойке жизни.

Иногда друзья и знакомые спрашивают удивлённо:

– А разве татары пьют?!

Пьют, дорогие мои, много и порой безбожно. Но не все.

Глава 4. Дом и соседи

Дом и двор

Набережные Челны – это город, разделённый на жилые комплексы-ячейки. Все они пронумерованы. Адреса указываются примерно так: номер комплекса/номер дома – номер квартиры. В моём случае – 32/05—3**.

Уходя к подружке, я говорила домашним:

– Схожу в ноль-четвёртый к Эльвире.

То есть я шла к подруге, которая жила в доме 32/04.

Если собиралась ехать к тётушке, говорила так:

– Сегодня еду в пятьдесят четвёртый.

Садилась в автобус и ехала в 54-й комплекс.

Если вам назвали адрес по комплексу, то нужно ехать в определённый район, а потом блуждать по нему в поисках нужного дома. Обычно это повод для знакомства с местными жителями, так как здания располагаются по совершенно непонятной логике. Например, в нашем комплексе дом №5, в котором я выросла, был построен до того, как появился дом №4. Между домами №5 и №9 стоит дом №3. Существует, конечно, обозначение адресов по улицам, но оно используется в официальных документах, при почтовых отправлениях и т. д. В скобках часто указывается адрес по комплексу для того, чтобы местным курьерам было легче работать.

Когда знакомятся два челнинца, первый вопрос, который они задают друг другу:

– Из какого вы комплекса?

Как я уже говорила, наш дом был построен для работников птицефабрики. В нём все друг друга знали.

Территориально наш район находится посередине между Новым городом и старыми районами (ЗЯБ, ГЭС) (карту города можно посмотреть в интернете). Сразу за домом было огромное поле, по которому можно спуститься к моей любимой Каме. Река была видна из окна школы, где мы учились.

Всё детство мы жгли костры, устраивали пикники, лазили по деревьям именно там, «за домом». Жили в городе и наслаждались прелестями деревенской жизни.

Рядом была большая школа с огромным садом и хорошей спортивной площадкой – русская школа №11. Я же училась в татарской гимназии, которая находится в десяти минутах ходьбы от дома.

Двадцать семь подъездов. В каждом конце дома – своя атмосфера.

Больше всего мне повезло с соседкой, которая жила этажом выше. Моя любимая подружка Катюша. Она старше меня на три месяца, дружим мы с четырёх лет. Катюша сыграла большую роль в моей жизни, поэтому ей будет посвящена отдельная глава.

Публика в доме была очень пёстрой. Разные семьи, благополучные и не очень. Была у нас и своя сплетница, моментально разносившая новости по всему двору и сочинявшая всякие небылицы. Ею было легко манипулировать, когда надо было донести до кого-то информацию, которую нельзя было передать напрямую. Были и свои «аксакалы», мнившие себя мудрее всех и дававшие советы, когда их не спрашивали.

Были люди состоятельные, были простые. Кто-то вёл себя скромно и с достоинством, кто-то кичился нажитым имуществом.

Татары по природе очень кичливый народ. Мы любим выставлять богатство напоказ, хвастаться обновками, богатыми родственниками, крутыми связями. Как и большинству азиатских народов, нам свойственно всё лучшее приберегать на случай прихода гостей. В доме обязательно должна быть коробка дорогих шоколадных конфет или других угощений, которые нельзя трогать, пока не придут гости.

Чистоту наводим тоже в первую очередь для того, чтобы не было стыдно перед соседями. Вытереть пыль на шкафу, а потом попросить соседку помочь достать какую-нибудь «забытую» вещь, чтобы та увидела, что у хозяйки даже там ни пылинки – старинная татарская забава.

На курорте татары фотографируются под каждым кустиком, с каждым блюдом и со всеми верблюдами, чтобы доказать всем, что они там действительно были и действительно стояли рядом с этими арабами или турками, которые придерживают поводья или подают чай.

Именно на фоне этих особенностей татар много лет назад у меня произошла крупная ссора с матерью, которая привела к печальным последствиям. Но об этом попозже.

В нашем дворе были люди, которые жили тихо, не привлекая к себе внимания. Иные поднимали шум на весь закуток, и мы слушали громкую брань или самую разную музыку. Были алкоголики разных степеней зависимости, некоторые совсем пропащие. Мы жалели их жён и детей. В одной из таких семей жил мой злейший враг – ровесница, с которой мы были в одной группе в садике. У неё пила мать, а женский алкоголизм – самое страшное явление. Девочка была очень агрессивна, она ненавидела меня. При вечно пьяной матери ей сильно доставалось ещё и от старшей сестры. То и дело пыталась она нападать на меня, но до серьёзных драк у нас ни разу не дошло. Где-то спасала моя мать, а где-то – соседи.

Во дворе было очень много детей. Мы собирались в компании, ходили в поле на пикники, бегали на речку купаться, играли в бадминтон и другие подвижные игры. Был период, когда обладатель мяча был самым уважаемым человеком в «песочнице».

Играли в прятки и догонялки во дворе дома и в саду соседней школы.

Зимой катались с горок на санках, ледянках, лепили снеговиков, устраивали снежные побоища. Любовались узорами на окнах. Как это было красиво!

Я была ужасно упрямым ребенком. Однажды, проходя мимо магазина, уговорила мать купить игрушечную коляску. Она сомневалась – вещь дорогая, но я топала ногами, кричала «жадина-говядина», и в итоге она согласилась. В той коляске меня, самую маленькую во дворе, таскали всей оравой вместо куклы.

Во времена моего детства машин было очень мало. Мы ждали весны, чтобы в колее на дороге строить снежные плотины и пускать кораблики по ручейкам. Когда проезжал автомобиль, мы прыгали на обочину, а потом заново всё отстраивали. Измеряли глубину луж, надев резиновые сапоги. Домой приходили мокрые, чумадые, ужасно довольные, со страхом ожидая заслуженной кары.

Я обожаю летний дождь и бегать босиком по лужам. Именно в такую пору мы собирались под козырьками у подъездов, о чём-то разговаривали, во что-то играли. Самые смелые со смехом выбегали под дождь и хвастались, что не боятся промокнуть.

А какой был запах! Самый вкусный аромат на свете – тот, что появлялся после дождя вместе с радугой на небе!

Татарстан — богатый, плодородный край. Земля там чёрная, жирная, щедрая.

У нас во дворе росли берёзки, на кустах шиповника было много-много мелких зелёных гусениц. Мы закапывали в землю «секретики»: фантики, фольгу от шоколадки, кусочки цветного стекла, сломанные брошки, цветочки укладывали в ямку, вырытую под кустами, накрывали прозрачным стёклышком и присыпали землёй, оставляя только самим известную метку. Словно это был клад.

Как я узнала в ходе работы над книгой, закапывать «секретики» – древнейшее занятие людей, это – «охранные» талисманы. Об этом говорится, например, в книге «Мы живём в замке» потрясающей Ширли Джексон (лучший рассказ – «Лотерея»).

Чем старше мы становились, тем интереснее были отношения во дворе. Я была «белой вороной». Многие считали меня «летающей», не от мира сего, потешались надо мной и даже откровенно издевались. Не знаю, как это получилось. Пусть на этот вопрос ответят психологи после прочтения книги.

Я – Курнос

В раннем детстве в «уважаемом сообществе» местной шпаны мне придумали прозвища Курнос, Утконос и что-то ещё в этом роде. Мой великолепный изящный выдающийся носик необычной формы стал моим детским проклятием. Стоило появиться во дворе, как тут же раздавался крик с какого-нибудь насеста:

– Курнос! Иди сюда! Курнос! Утконос!

Эта часть лица привлекала внимание не только во дворе. Её замечали абсолютно везде. Мать как-то сказала, что тайно копила деньги мне на пластическую операцию, переживая из-за моих страданий. Слава Богу, до знакомства с хирургом дело не дошло. Как бы сегодня ни воспринимали люди мой любимый носик, мне это совершенно безразлично. Более того, горжусь, что он такой.

Доходило до смешного. Однажды бежала за автобусом, но так и не успела в него сесть. А через некоторое время моя подруга познакомилась с какой-то девушкой. Они смотрели фотографии в альбоме, та увидела меня и воскликнула:

– А я видела эту девушку! Она бежала за автобусом, в котором я ехала.

Ещё один случай. Мне было лет шестнадцать, когда на улице подошла девушка и спросила:

– А твою двоюродную сестру не Гульнарой ли зовут?

– Да. А откуда вы знаете?

– Тебе было года два или три, когда мы играли вместе в нашем дворе. Ты приезжала в гости.

Подозреваю, что запоминали меня в первую очередь именно благодаря носу. Но и характер у меня такой, что даже если бы не было в моей внешности ничего выдающегося, дети придумали бы обидное прозвище, зацепившись за что-нибудь другое.

Поэтому, дорогой читатель, пусть окружающие придумывают какие угодно прозвища. Не стоит менять наружность только из страха быть осмеянным. Представь на секундочку, что было бы, если бы я легла под нож хирурга и получила ничем не примечательную внешность? Что сделала бы местная шпана? Правильно, они стали бы продолжать насмехаться, потешаясь, что им удалось заставить меня изменить что-то в себе.

А что было в реальности? Мать научила меня ходить мимо этих ребят, гордо задрав нос и делая вид, что ничего не слышу. От этого они кричали ещё громче. Спустя годы узнала, что у меня был настолько равнодушный вид, что они думали, что я действительно их не слышу.

В нашей квартире то и дело случались разговоры о жизни соседей. Все мы любим посплетничать, обсудить друзей, знакомых, приятелей, дальних родственников. Что делают дети в таких случаях? Внимательно слушают разговоры взрослых, чтобы понимать ориентиры, знать, кто хороший и кто плохой.

Услышав гадость про кого-нибудь из соседей, я переставала здороваться с этим человеком до тех пор, пока отношение к нему (или к ней) в доме не менялось. Конечно, сегодня мне за это ужасно стыдно, но такова детская натура. Дети транслируют то, что происходит в семье.

Сегодня при детях я стараюсь говорить с друзьями о литературе, искусстве, истории, путешествиях и т.д., зная, что ребятки внимательно слушают и впитывают всё, пользуюсь этим и вкладываю в их умные головы светлые мысли.

Помнишь урок моей бабушки? «Сынок, тебе говорю, дочка, ты слушай».

Если уж хочется о ком-то поговорить, пусть это будет тот, кто станет примером для подражания. Ведь можно выразить восхищение, например, умом того же Эйнштейна или его верой в Бога при том, что он был великим физиком. Ребёнок запомнит, что восхищение вызывают образованные люди, а значит, надо учиться и стремиться стать лучше через саморазвитие.

Конечно, у меня были разные отношения с детьми во дворе. С кем-то дружила, с кем-то воевала, на кого-то просто не обращала внимания. Кому-то завидовала. Тяжёлое чувство, очень тяжёлое. Кто-то завидовал мне.

Соседские мальчишки сначала смеялись надо мной, а потом пытались ухаживать.

Некоторое время была влюблена в самого красивого парня во дворе. Ему я написала свои первые стихи. Однажды летом хулиганы отобрали у меня тетрадку с этими стихами, громко читали их и смеялись. Мне удалось вырвать тетрадку из их рук.

Потом симпатии изменились. Мы повзрослели, разбежались по техникумам и вузам, и когда я приезжала домой на мотоцикле с другом-байкером, никто уже не орал на весь двор «Курнос! Утконос!» Зато соседи тихо шушукались, называя меня девушкой лёгкого поведения и считая машины, на которых меня подвозили до дома, когда ездила автостопом.

Что стало с теми, кто пытался со мной воевать и придумывать обидные прозвища? Их судьба незавидна. Их даже немного жаль.

Дорогой читатель, если ты подвергаешься травле, просто имей в виду, что зачастую обидчики получают своё. Бумеранг возвращается. Такие люди крайне редко добиваются успеха в жизни. А кто-то успеет заползти в могилу, прежде чем ты обзаведёшься внуками. Но ситуации, конечно, бывают разные.

Глава 5. Подруги

Катюша

Мы познакомились, когда нам было по четыре года. Катя переехала в наш дом вдвоём с мамой. Они жили в маленькой однокомнатной квартире, заваленной книгами. Сколько себя помню, Надежда Васильевна всё время читала. Образованная, интеллигентная женщина, она никогда не повышала голоса.

Как-то Катя сказала:

– Когда мама меня наказывала, то не ругала, а наоборот – молчала. Это было всего два раза в жизни, но очень действенно. Молчала до тех пор, пока я не понимала, что неправа. И я действительно была неправа.

Катя была очень хорошей и послушной девочкой. Надежда Васильевна занимала высокую должность в банке и неплохо зарабатывала. Все свои силы и ресурсы она вкладывала в единственного любимого ребёнка. А заодно кое-что доставалось и мне. Целыми днями я пропадала в квартире этажом выше. Даже когда в доме были гости, убегала к Кате. Нам было интересно вместе. Мы играли, смотрели кино и мультфильмы, рисовали, занимались рукоделием. Вместе учились шить, вышивать, вязать спицами и крючком, плести макраме. Мы придумывали и рисовали в тетрадках целые города, занимались моделированием одежды для бумажных кукол. У нас был свой мир, богатый и разнообразный. Став старше, я брала книги из Катиной библиотеки. Мы вместе играли в шахматы и шашки.

Она была отличницей. Во многом я ужасно ей завидовала. Её окружали интересные люди, она училась в одном лучших лицеев города, потом – в одном из лучших вузов Татарстана. Катя была звездой, и я искренне радовалась дружбе с ней. Она была для меня недостижимым идеалом.

Она же позвала меня в интеллектуальный лагерь, когда нам было по шестнадцать лет.

Интеллектуальный лагерь «Настоящее время».

Разиля Кузнецова – один из лучших педагогов в Набережных Челнах. Она просто волшебница! Человек с большой буквы.

Надо видеть, что она делает с детьми! Сколько достойных людей она вырастила за тридцать лет существования своей организации!

Моя первая смена длилась всего шесть дней, но программа была настолько насыщенной, что, казалось, я провела там месяца два, не меньше. Каждый день мы играли в интеллектуальные игры, готовили маленькие театральные постановки, проходили психологические тренинги, пели песни в большом кругу, и было ещё много всего интересного.

Эти шесть дней стали одной из самых важных поворотных точек в моей жизни. Там я расслабилась и впервые проявила себя во всей красе. Самым большим шоком был момент, когда наш отряд выставил меня на сцену как самую умную во время очередной интеллектуальной игры.

Я – самая умная? Ребята, вы серьёзно? Но так вышло.

Впоследствии я ещё сильнее потянулась к литературе, захотелось больше знать и развиваться, общаться с умными людьми, которых встретила в лагере. Они казались небожителями. Из-за низкой самооценки считала себя недостаточно хорошей для них.

В этом лагере я побывала дважды. И это очень помогло мне стать такой, какая я есть сегодня.

Дорогая Разиля, низкий поклон вам за ваш бесценный труд! Благодарю от всей души!

С Катей мы ходили в театральный кружок. У нас были прекрасные учителя. Там я была по-настоящему счастлива.

Одной из последних постановок стала маленькая зарисовка против курения, в которой мне досталась роль Смерти. Я надевала маску, белый балахон, брала в руки косу. Моим проходом по сцене всё заканчивалось. Я медленно и настолько убедительно «скашивала» души курильщиков, что во время одного из выступлений на площади в нашем комплексе одна девочка вскрикнула:

– Мама, я никогда не буду курить!

Это был мой триумф.

Когда мы стали старше, Катя поддерживала меня в трудные минуты. Я ездила к ней в Казань, она приезжала ко мне на Кипр. Мы дружим до сих пор. Как бы я хотела, чтобы сегодня у моих девочек была хотя бы одна такая Катя!

Гузель

Наша дружба началась, когда мне было тринадцать. Из негимназического класса я попала в гимназический с углублённым изучением английского языка, так как была одной из лучших среди своих. Английский я начала изучать во втором классе, когда он ещё не был обязательным.

Наш восьмой класс представлял из себя сборную солянку. Подруг в нём пока не было, и надо мной тут же взяла шефство «великолепная пятёрка» очень умных и красивых девочек. Первое время они поддерживали меня и помогали, ведь нагрузка в гимназических классах гораздо больше, чем в обычных. К тому же были другие обстоятельства, осложнявшие жизнь. Поддержка этих девочек в нужный момент меня буквально спасла.

Потом я подружилась с Гузель. Она жила в соседнем доме, её мама работала лаборанткой в гимназии. Мы быстро нашли общий язык, иногда понимая друг друга в буквальном смысле с полуслова. У нас появились свои секреты.

В нашем классе было всего восемь парней. Мы всем дали прозвища, о которых никто не догадывался. У нас был тайный язык. На уроках часто переписывались, сидя за одной партой, было весело. Кое-какие из тех записей у меня сохранились. Перечитывая их сегодня, понимаю, почему некоторые девочки в классе завидовали нашей дружбе. Удивляюсь, что мы умудрялись не получать замечаний от учителей (ибо сегодня смеюсь в голос, читая всё это) и хорошо учились. Хотя, по словам одноклассниц, иногда мы всё же смеялись на весь класс, а потом таинственно улыбались.

Гузель была очень умной, интересной, она помогала мне с учёбой, мы вместе делали домашнюю работу. Часто говорили на английском, когда сидели у меня дома, поскольку мои домочадцы этого языка не знали. Мать пыталась подслушивать, но ничего не понимала.

Сестра свято верила в то, что наши с ней голоса слишком похожи, так как её ухажёры часто принимали меня за неё. Когда Гузель звонила, сестра иногда пыталась выдавать себя за меня. Гузель переходила на английский, когда понимала, что Аида пытается её разыгрывать, и та была вынуждена звать меня к телефону. То же самое случилось, когда звонила Катя.

После окончания школы Гузель уехала в Казань, где получила высшее образование. Они с матерью часто принимали меня в своём доме, особенно в сложные периоды жизни. Я очень благодарна их семье за поддержку.

Когда я приезжала в столицу Татарстана, мы собирались втроём с Гузель и Катей и шли гулять по городу. Нам было настолько хорошо вместе, что даже возникла безумная мысль сделать маленькие татуировки – в память об этой дружбе. К счастью, до салона мы так и не дошли. К счастью, потому что сегодня я против тату. У меня нет ни одной. А память о дружбе и благодарность необязательно выжигать на коже – они хранятся в сердце.

Гузель была свидетельницей на моей свадьбе в Минске.

Эльвира

Она жила в соседнем доме, та самая подруга, которую я уже упоминала ранее.

Не помню, когда мы подружились. Из окна моей спальни видны окна её спальни. Иногда достаточно было выглянуть на улицу, чтобы понять, что она вернулась и можно идти в гости.

Умная, интересная, харизматичная, сильная натура. Мне нравилось с ней общаться. Отучившись на парикмахера, она красила и стригла мне волосы просто так, по дружбе. Долгое время у нас была общая компания. Мы вместе гуляли, делили радости и горести. Она знала мои секреты, была свидетелем многих важных моментов моей жизни.

Сегодня Эльвира живёт в Канаде.

Около трех лет. Детский садик «Иволга»

Глава 6.

Детский сад и школа

Эта часть повествования может стать большим сюрпризом для многих, кто знал меня в те годы.

Маленькая, да удаленькая

Моя мать работала бухгалтером в детском саду «Иволга», который находился в соседнем 31-м жилом комплексе. Это был мой первый детский сад.

Однажды мать пришла в группу и увидела следующую картину. По её словам, мне было тогда два или три года. Самая маленькая в коллективе, я стояла на стульчике и отбивалась от детей, которые били меня все вместе. Воспитательница с нянечкой смотрели на бесплатный цирк. Им было весело. Ишь ты, маленькая, да удаленькая! Кого-то я кусала, кого-то щипала, кого-то била кулачками. Да, не сдавалась.

С приходом матери это шоу, конечно, закончилось. Однако в следующий раз она пришла в тот момент, когда меня били по губам за то, что укусила самого большого мальчика в группе.

Что было причиной этих драк, как удалось настроить против себя всех этих детей, до сих пор не знаю, но моя жизнь в учебных заведениях началась именно так.

Потом был второй детский сад, поближе к дому. Оттуда я часто сбегала и отсиживалась у соседки. Что в нём не нравилось, сейчас уже не вспомнить. Но седых волос матери я добавила – её то и дело вызывали с работы. Воспитатели были очень хорошие. Не складывались отношения с детьми.

Наша Гаиля

Школа. Моя любимая татарская гимназия.

Десять лет жизни, десять лет ковки характера.

В первый класс я пошла в 1990 году. Здание школы было новым, суперсовременным. Два крыла: для начальных классов и для старших. Между ними два больших спортивных зала и маленький тренажёрный, столовая и актовый зал. Территория вокруг огромная: две спортивные площадки, большой сад, теплица.

У нас были гимназические и негимназические классы. Я попала во вторую категорию и проучилась там вплоть до восьмого класса, когда получила возможность изучать английский язык углублённо. В первом классе умела читать и писать по-русски, татарского же почти не знала. Это создавало определённые трудности – все предметы нам давали на родном языке. Учиться, однако, нравилось, я была одной из лучших.

Однажды на уроке в первом или втором классе случился эпизод, который запомнился на всю жизнь.

Конец третьего класса. Мне около 10 лет.

Мы переводили слова с татарского. Я отчаянно тянула руку, очень хотелось показать всем отличное знание русского языка. Учительница старалась дать другим детям проявить себя, но и меня игнорировать не могла.

– Безнең гаилә (наша семья – тат.), – говорит она.

Я тяну руку, думая, что «Гаилә» это имя. Учительница разрешила ответить, и я гордо произнесла:

– Наша Гаиля!

Класс взорвался от хохота. Учительница деликатно меня поправила, но дети не унимались. Больше я руку не тянула.

После урока мы пошли в столовую под дружное скандирование: «Наша Гаиля! Наша Гаиля! Наша Гаиля!» Никакие уговоры учительницы не помогали. Я шла пристыженная, еле сдерживая слёзы. Когда сели за стол, с подачи одного из самых сильных мальчиков одноклассники продолжали гоготать на всю школу. Тогда я вышла из-за стола и убежала в класс. Со мной такое было впервые. Того пучеглазого мальчишку долго не могла воспринимать нормально. Потом он учился в одном лицее с моей Катюшей.

Кто тебе не нравится?

Когда я шла в первый класс, соседка попросила взять шефство над своей дочкой (назовём её Роза), с которой мы сидели за одной партой некоторое время. Её привезли из деревни, городской жизни она не знала. Поскольку я была бойкой, смелой, самостоятельной, пришлось взять на себя роль опекуна. Роза быстро влилась в коллектив. Училась гораздо хуже меня, но её обожал весь класс, и я никак не могла понять, почему. И по сей день для меня это остаётся загадкой. Видимо, были в ней особые качества, которые нравились одноклассникам.

Тем временем я постепенно становилась отверженной. Уже в начальных классах дети то и дело пытались устраивать мне бойкоты, создавали коалиции против меня. Когда кого-то изгоняли из сложившегося сообщества, у меня появлялся союзник.

Я была гордая и независимая, в меру шкодливая. Да, далеко не ангел. Детские шалости и ошибки мне были вполне свойственны. Но, видимо, было во мне что-то отталкивающее?

В 6-7-х классах у нас, как, наверное, у всех детей, были «анкеты». На вопрос: «Кто тебе не нравится в классе?» почти все отвечали: «Айгуль Н., Лилия М.». Так писала даже Розочка. Лилия была моей единственной настоящей подругой в том классе. Хорошая, милая, добрая, улыбчивая, жизнерадостная. Почему она не боялась дружить со мной, не знаю.

Популярной я становилась, когда наступала пора контрольных. Самые сильные и авторитетные занимали места за партами так, чтобы можно было списать у меня. Иногда случалось, что Розочка сидела рядом со мной и «нечаянно» выполняла те же задания, что и я. Она списывала подчистую мою работу вместе с ошибками.

Однажды так произошло на уроке географии. Мы писали контрольную. Моя работа, как обычно, была с помарками, так как в некоторых местах я сомневалась, что-то исправляла. Роза списала финальный вариант и получила «четвёрку», мне же снизили балл за неаккуратность. Однако учительница поняла, что это несправедливо, и на следующем уроке снова провела контрольную. В этот раз списать я не дала, в результате у меня «пятёрка», у Розы «двойка». Бедная, бедная Роза...

Следующим уроком была физкультура. Милая «подруга» подошла ко мне в окружении свиты и заявила:

– Ну, и обидела же ты меня!

После этих слов я должна была покраснеть, разреветься и, наверно, на коленях умолять о прощении. Убиваться, однако, я не стала, лишь усмехнулась и побежала по своим делам. Я была счастлива, что Розочка наконец-то получила по заслугам.

Первая любовь

В первом классе я подружилась с одним из наших самых задиристых мальчишек. Кажется, это была моя первая настоящая любовь. Детская, наивная, но всё же настоящая. Энергичный, весёлый, интересный ребёнок с горящими глазами. Он иногда звонил мне и, когда казалось, что никто из близких не слышит, шептал в трубку: «Я тебя люблю». Наши матери переглядывались при встрече. Мы часто сидели вместе на уроках. Дружили до пятого класса. Девочки его побаивались.

Он покинул нас на один год, а когда вернулся, у меня уже было прозвище, которое придумал один из наших самых умных мальчишек, ужасно меня ненавидевший. Несколько человек с его подачи стали называть меня Крысой. Мой бывший друг к ним присоединился, это было больно и обидно. Однако я нашла способ заставить его пожалеть об этом.

Мы писали контрольную по татарскому языку, я сидела за первой партой. Мой «друг» выгнал кого-то с первого ряда и сел в двух метрах от меня. Получаю записку: «Айгуль, напиши, как делать п. 5». Долго думать не стала: «Сейчас я для тебя Айгуль, а потом буду Крысой. Будь добр, делай сам». Получив ответ, он наклонился и прошепел: «КРЫСА!» Я усмехнулась, почувствовав себя победительницей. Нам было по двенадцать лет.

Недавно мы вспоминали тот случай из детства и смеялись. Он, конечно, просил прощения, а я благодарила его за дружбу и за уроки.

Так как семья у нас была неполная, я была в категории льготников, которым полагалось бесплатное питание в школе. Моя мать крутилась изо всех сил, как могла, чтобы прокормить, одеть-обуть и дать по возможности всё лучшее в материальном плане. Сама шила нам одежду, сама стригла. Помимо основной работы, пыталась как-то ещё подрабатывать.

Однажды она купила мне великолепный набор юного художника. Там были карандаши, краски, фломастеры, восковые мелки и много всего другого. Я, конечно, не могла не принести это чудо в школу, чтобы все увидели, какая я крутая. На уроках часто пользовалась набором на зависть другим детям. Наш умник это заметил и возмущился: «Если вы такие бедные, что питаетесь бесплатно в столовой, то откуда у вас деньги на такие игрушки?» Вскоре льгот меня на некоторое время лишили.

В седьмом классе на уроке математики я заработала первые деньги своим умом. Математику я любила и контрольные делала с азартом. Однажды сосед по парте попросил сделать его вариант. Я согласилась при условии, что он заплатит сто рублей. Мы оба получили «четвёрки», и он выполнил обещание. Обычно я давала списывать бесплатно, но в тот день почему-то решила заработать.

Я, конечно, общалась со всеми детьми в классе, но всё равно была сама по себе. Мы ссорились и мирились, смеялись и ругались. Некоторые меня откровенно ненавидели, как наш «умник». Порой он был настолько агрессивен, что приходилось просить классного руководителя вмешаться. Но кто может повлиять на подростка-отличника? Правильно, никто. Травля продолжалась до тех пор, пока нас обоих не перевели в гимназические классы. Он ушёл в математический, я – в английский.

Были ребята, с которыми я дружила. Один из них, Альберт Гильмутдинов, меня уважал, никогда не участвовал в травлях и часто заступался за меня перед учителями. В восьмом классе я перешла в гимназический класс, на более высокий уровень обучения, попав в новый кол-

лектив, более сильный и продвинутый. Учебная нагрузка увеличилась, да и моральная тоже. Предстояло влиться в новое сообщество, где я почти никого не знала.

Учителя

Педагогический состав в школе был очень хороший. Мы любили почти всех преподавателей, за редким исключением. Честность, справедливость, отзывчивость, доброта, любовь к детям, компетентность – этими качествами они обладали в полной мере.

Помню, как в шестом классе появилась новая девочка. Благодаря правильной политике школы её быстро приняли в коллектив и окружили заботой. Когда она заболела, мы все вместе её навещали, потом помогали наверстать упущенное. Не помню, чтобы в нашей школе новички подвергались травле, как бывало в других. Уверена, в этом большая заслуга преподавателей.

Учителя были разных возрастов, от молодых до пожилых. И характеры у всех были разные. Рисование и черчение вёл мужчина средних лет. Он был очень добрым и чутким. В один из самых сложных периодов школьной жизни я пропустила целую четверть, прогуливая его уроки. Он знал меня, кажется, с пятого класса, часто на рисовании демонстрировал мои работы. Видел во мне способную ученицу. За пропущенную четверть не сказал ни слова, подарив «четвёрку» без нравоучений. Не знаю, почему он так сделал, что заметил, что почувствовал, но сегодня вспоминаю его со слезами благодарности.

Я обожала Лилию Равилевну, нашу учительницу литературы с восьмого класса. Интеллигентнейшая женщина, добрая, справедливая, отзывчивая, в меру строгая. Она любила свой предмет и заражала нас этой любовью, искренне огорчаясь, когда мы приходили неподготовленными.

В те времена книги были не так доступны, как сегодня. Признаться, завидую нашим детям, ведь у них столько возможностей для получения знаний! А мы ходили по библиотекам, брали книги у друзей, искали у знакомых.

Однажды Лилия Равилевна решила провести открытый урок по повести Виталия Закруткина «Матерь человеческая». Достать её было очень трудно. Я не успела прочитать и занятие прогуляла – боялась получить плохую оценку. Учительница расстроилась. Она рассчитывала на меня, ведь я любила пофилософствовать, поразмышлять на заданную тему. Часто случалось так, что она только начинала подводить нас к какой-то мысли, а я, быстро сообразив, уже выдавала её всему классу.

Получив выговор за пропущенный урок, на занятие по повести «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина пришла без подготовки, так как книга была редкой, и я снова не успела её прочитать. Урок тоже был открытый. Я активно участвовала, послушав одноклассников и поняв, о чём примерно произведение. Высказывала свои мысли по поводу военных действий в Чечне, о войне в целом. Видела, как внимательно слушали гости. В Чечне служили мои двоюродные братья. Дома было много разговоров о тех событиях, я их впитывала и анализировала. Получила «пятерку», а потом Лилия Равилевна попросила встать всех, кто не прочитал книгу. Я не стала лгать и поднялась. Надо было видеть её лицо. Она была искренне удивлена и немного сконфужена. Оба эти произведения, конечно, я впоследствии прочитала.

Читать я полюбила ещё в начальных классах, хотя первое время меня приходилось заставлять. Помню, с каким трудом читала вслух «Винни-Пуха» на татарском языке. Сушее наказание! Потом увлеклась. Пока дети на продлёнке шумели, носились по классу, веселились, я садилась в углу и читала рассказы в конце учебника русского языка. Взяв в руки очередную увлекательную книгу, забывала обо всём.

Дома перечитала все книги со сказками, какие были доступны. Братья Гримм, «Сказки бабушки про чужие странушки», сказки народов Севера, русские народные сказки, татарские

народные и много-много другого. Любимыми книгами тогда были повесть «Брат и сестра» и роман «Анна» Александры Анненской. Они произвели огромное впечатление. Много раз перечитывала.

Из переписки с Гузель на уроке «Человек и общество», 7.10.1999

«Мне лучше вообще помолчать во время урока, потому что: а) начну говорить, меня станут перебивать, б) начну говорить, от моей философии „уши завянут“. Слишком много думаю, поэтому моя философия слишком далёкая или глубокая».

Очень любила уроки истории, которые вела наш классный руководитель Разия Минзакировна. К ним я почти не готовилась. Внимательно слушала, а потом слово в слово пересказывала всё, что слышала на уроке. Учительница хвалила меня за хорошую память, но рекомендовала всё же читать учебник.

Именно тогда одна дата запала мне в душу: 1552 год, когда Иван Грозный взял Казань.

– Почему?! Ну, почему никто не помог нашим защититься от русского царя?! – вопрошала я долгие годы.

Да потому, что тогда все и везде воевали. Никому не было дела до какого-то казанского хана. У всех своих забот хватало. Это я узнала впоследствии, когда изучала историю самостоятельно и в ходе лекций в моём интеллектуальном клубе.

Послушать их можно на канале: <https://www.youtube.com/c/svetkiyclub>

Недавно позвонила Разие Минзакировне, чтобы спросить, какой она меня запомнила и почему учителя были так добры ко мне.

– Вы что-то знали о ситуации в моей семье? Откуда было столько доброты и поддержки?

– Айгуль, ты была очень умным, сообразительным ребёнком. Таких детей видно издавна. Любила размышлять на разные темы, выдавала интересные, оригинальные суждения. Мы иногда диву давались. Ты была скромной, держалась немного особняком. Взгляд у тебя был молящий, испуганный, смотрела немного снизу. Твоя сестра была активисткой, и мы удивлялись разнице между вами. Я говорила директору: «Айгуль ещё раскроется, покажет себя».

– А вы знали, что эта «активистка» дома жестоко меня избивала? Видели синяки и царапины?

Тут Разия Минзакировна опешила. Нет, они ничего не знали. Учителя хорошо относились ко мне просто потому, что я была способной ученицей. Да и как они могли за всеми уследить? В одной нашей параллели было шесть классов, в каждом из которых минимум по двадцать пять, а то и по тридцать детей. Я старалась держать всё в себе, избегая лишних расспросов. Было страшно, что все узнают, какая я плохая. Ведь хороших детей не бьют, не обзывают дома, у них трезвые родители. А мы ещё жили с алкоголиком, которого мать выгнала, лишь когда я была уже в десятом классе.

Да, сестра училась в той же школе, окончила её на три года раньше. Я старалась избегать встреч с ней в школьных коридорах – обычно это сопровождалось публичным унижением и демонстрацией моего подчинённого положения. Она постоянно меня контролировала, делала замечания. Даже потянуться я не могла так, как хотелось.

Перед переходом в гимназический класс я провела почти три месяца в деревне. Самый трудный период, который пережила там за всё детство. Подробнее расскажу о нём в главе, посвящённой Кривому Озеру. И это сказало на здоровье. Придя первого сентября в восьмой класс, я попала в новый коллектив и снова испытала сильнейший стресс. В октябре начала болеть. Меня на месяц поместили в детский диагностический центр для полного обследования. Обнаружился целый букет болезней, большая часть которых возникла из-за стресса.

В первый вечер шла по коридору, когда ко мне обратился ребёнок лет девяти и спросил:
– Ты мальчик или девочка?

Я была в джинсах, серой толстовке, волосы короткие. Болезненная, усталая, расстроенная. Определить действительно было трудно. Грустно улыбнулась и ответила:

– Я девочка.

Меня поселили в двухместной палате с хорошей соседкой, у которой был маленький сын. Мы много и интересно разговаривали о жизни.

Мать приходила почти каждый день, приносила вкусности, баловала.

Во время одной из процедур я садилась перед зеркалом, в течение нескольких минут держала, кажется, ультразвуковой прибор у щитовидной железы. С каждым днем замечала, что становлюсь красивее, здоровее, румянее. Никто больше не сомневался в том, что я девочка. За мной даже начал ухаживать мальчик из палаты напротив. Это было по-детски наивно и очень мило.

В больнице было настолько хорошо, что когда нас отпустили на ноябрьские праздники, возвращаться домой не хотелось. И я осталась. Тишина, спокойствие. Только несколько детей, с которыми я общалась, и медперсонал. Все были добрыми, отзывчивыми. Там вообще был очень хороший коллектив. И только сегодня понимаю, что произошло. Ребёнок не хочет возвращаться домой из больницы...

Мать винила во всём сестру.

Новогодняя фотография, сделанная после возвращения из больницы

Когда вернулась в школу, Алсу из «великолепной пятёрки» встречала меня радостными объятиями. Помню, она подбежала ко мне в столовой, обняла крепко-крепко. Было трудно поверить, что в школе меня так радостно встречают, что это не ошибка. Неужели это искренне? Я была несколько сконфужена, не считая себя достойной такой тёплой встречи. Самооценка у меня тогда была ниже плинтуса. Но Алсу делала это совершенно искренне. Она одна из самых добрых и отзывчивых девочек в классе. Мы дружим до сих пор.

Милая моя, дорогая Алсу, спасибо тебе за любовь и дружбу!

Моя успеваемость резко пошла вниз. Оценки ухудшились, учиться было трудно. Мать решила, что болела я именно потому, что переживала из-за учёбы, а заодно винила сестру за жестокое отношение.

– Айгуль, не переживай из-за плохих оценок, – сказали мне.

Я перестала хорошо учиться, перестала стараться и переживать, и к концу девятого класса в аттестате было тринадцать «троек»! Думала, вылечу из гимназии, но меня почему-то оставили. Говорили, что одноклассники ходили к директору с просьбой не выгонять меня. Это было большим сюрпризом.

По словам Разии Минзакировны, учителя и сами не хотели возвращать меня в негимназический класс. Они знали, что я могу учиться хорошо.

– Айгуль, ты же исправила все оценки к одиннадцатому классу, – сказала она в последней беседе.

Запомнила, несмотря на то что прошло двадцать лет после окончания школы! Вот такие у нас были учителя.

Я действительно исправила всё с помощью одноклассников. Осталась только химия, по которой было лень писать реферат, чтобы получить хотя бы «четвёрку».

Глава 7. Взросление

Итак, в классе было двадцать семь человек: восемь мальчиков (один на домашнем обучении) и девятнадцать девочек. К концу первого года я совершила большую глупость и поссорилась с мальчишками. Вспоминать стыдно до сих пор, но если бы я оказалась в тех же условиях, уверена, всё повторилось бы.

Из всех мальчишек хорошо ко мне относился только М. Н. А я, вредина такая, крутила носом и вела себя презрительно. Подружились мы после школы и общаемся до сих пор. Это очень интересный, добрый, достойный человек. *(По религиозным соображениям он просил не называть имя полностью. – А.М.)*

Был в классе ещё один мальчик, на которого я обратила внимание. Нет, я не была влюблена, но в какой-то момент показалось, что между нами возникли особые отношения. Назовём его Алик. В моих дневниках много записей, посвящённых ему. Большую часть из них я опубликую в этой книге.

Хочу вспомнить несколько эпизодов, которые не описаны в дневниках.

Однажды во время урока татарского языка в кабинет зашёл парень, отмечавший количество учеников в классе. Это была обязанность дежурных по школе. Они ходили и записывали, сколько человек присутствует, сколько отсутствует.

Я сидела у самого входа. Он положил журнал на мою парту, присел на корточки и стал записывать.

– Айгуль, что ж ты парней на колени ставишь? – шутливо спросил добрый учитель.

Я смутилась. Передо мной? На колени? Да быть такого не может! Не считала себя достойной такого отношения. Однако, по мнению как минимум одного человека, я была достойна большего. О нём расскажу далее.

До седьмого класса я обожала математику и учительницу, которая вела этот предмет. Она была строгая, очень хорошо всё объясняла. Возникла даже мысль поступать в математический, но любовь к английскому оказалась сильнее.

А в восьмом преподавательницу сменили. Новая оказалась очень специфической женщиной преклонного возраста. Отношение к ученикам у неё тоже было специфическое. С её приходом я перестала понимать алгебру, но с геометрией дружила. Она была более понятна.

Однажды мы всем классом решали задачу как раз по геометрии. Как ни странно, мне она показалась лёгкой. Все сидели, напряжённо думая. Видя, что класс не справляется, учительница стала вызывать к доске отличников. Решив задачу в тетрадке, я подала голос с «камчатки»:

– А можно я попробую?

– Ну, попробуй, – ответила она удивлённо.

Я вышла, написала решение на доске.

– Видал?! – воскликнул Алик.

Да, такие минуты запоминаются, когда ты один из худших учеников.

У меня были странные отношения с учебными предметами. Обожала биологию, но никак не могла понять химию. Любила геометрию, алгебра же для меня была бессмысленным набором символов. Однако очень повезло с одноклассниками, которые помогли исправить все оценки к концу 11-го и сдать выпускной экзамен по алгебре на «четвёрку».

Класс у нас был очень неординарный. Все шумные, яркие, интересные. Несмотря ни на что, поддерживали друг друга в сложные моменты. Слушаю своих одноклассниц сегодня и понимаю, какая большая разница была между моим самоощущением и тем, какой меня видели со стороны. Я всегда была немного вне коллектива. Единственный близкий человек в классе – Гузель, с которой у нас были разные периоды. Было время, когда я ощущала полное одиночество. Было тяжело, но спасали книги. В 10-м классе читала «Лолиту» Набокова, сидя на уроке физики, которую тоже не понимала.

Литература вообще сыграла огромную роль в моей жизни, и началось это именно в школьные годы. От одиночества я уходила в мир грёз и судеб персонажей, созданных классиками.

Однако помни, дорогой читатель: всё преодолимо! И именно книги во многом помогли мне стать той, кто я сейчас.

Мы с Аликом возвращались с последнего звонка в одном автобусе по одной дороге. Я подошла к нему и предложила поговорить. Он согласился.

– Айгуль, мы хотели все вместе перед тобой извиниться, – сказал он, пока мы шли к дому.

Не помню, о чём ещё говорили, но расстались по-дружески.

Несмотря на то, что дома наши стоят рядом, я не видела его много лет (кажется, семь или восемь), пока однажды не встретила, когда ехала автостопом в университет. Он подвёз меня до поворота на Елабугу. Минут десять говорили о жизни. Я в то время уже жила в Минске и собиралась замуж. Он ехал по работе в Казань. Остановившись в нужном месте, посмотрел внимательно в глаза и сказал:

– Счастья тебе!

Больше я его не видела и не слышала. В тот день он, наверное, мог потратить лишние десять минут, довезти меня до университета, но не стал этого делать, ограничившись пожеланием счастья. Сегодня у него прекрасная жена и ребёнок. Уверена, он стал достойным человеком, как и большинство наших одноклассников, кроме Фаниса – главного задиры класса. Его жизнь наказала по-своему. Говорят, у него большие проблемы с алкоголем. Рубину (лучшему другу Алика) был 21 год, когда он умер, оставив жену и ребёнка. Причина смерти мне неизвестна.

Дорогие мои одноклассники, огромное спасибо за всё, что вы сделали для меня, и за все уроки, которые я получила благодаря вам!

Глава 8. Кривое озеро

Круче Диснейленда

Кривое Озеро – это небольшое село в Нурлатском районе на юге Татарстана.

Великий татарский поэт Габдулла Тукай в поэме «Шурале» писал о своей любимой деревне Кырлай:

«За Казанью есть деревня, называется Кырлай.
Куры там подхватят песню, веселее запевай!
Хоть я родом не оттуда, но немного там пожил
И недолго на земле той сеял, жал и боронил».²

Я никогда не посвящала стихов родному Кривому Озеру, но, когда думаю о нём, почему-то вспоминаются именно эти стихи.

Кривое Озеро... Любимое Озеро... С ним связаны самые счастливые и печальные моменты детства. Моя подруга Катя, слушая рассказы о моих деревенских каникулах, думала, что это загадочное место круче Диснейленда. В некотором смысле так оно и было.

Село расположено на берегу длинного озера, больше похожего на реку. Наш дом – самый крайний в конце центральной улицы, у поля, где каждый год сажали разные культуры. Маленькое тёплое, уютное деревянное строение. Как мы все в нём помещались, просто диву даюсь! Три небольшие комнаты и чулан.

Смутно помню, как строили заднюю комнату. Я тогда была совсем маленькой. Старший брат матери Халим, живший с родителями вопреки обычаям, о которых расскажу далее, терпеть не мог детских слёз. Я ужасно его боялась. Наверно, во время строительства я путалась под ногами и чем-то его разозлила. Не помню, отругал ли он меня. Иногда достаточно было одного сурового взгляда, чтобы возникло желание убежать от него как можно дальше. Так как плакать при нём было нельзя, спряталась в каком-то уголке и долго не выходила, пока слёзы не высохли. Он потом жил в той комнате. Она получилась очень уютной, с прекрасным видом на поле и улицу. Я любила сидеть в ней днём в одиночестве.

До того, как в деревню провели газ, в доме была настоящая кирпичная печка. Как тепло было спать на ней! Помню, как по утрам бабушка её топила, отламывая щепки от лежавших рядом дров; как кипятили воду в самоваре, пока не появился электрический чайник. Бабушка брала угли, закидывала их в трубу, кидала туда же горящие щепки. Всё это она всегда делала с улыбкой, шутила, что-то рассказывала. Никогда не видела её рассерженной, каким бы трудом она ни занималась.

А вкуснейший хлеб и пироги, которые она пекла в этой же печке! Я любила сидеть рядом, наблюдать за ней, слушать её рассказы и добрый смех. Так как я была маленькая и тёмненькая, она называла меня Черемохой. Тогда я говорила обиженно:

– Я не черемоха! Я белемоха!

Да, это было забавно.

² Перевод Рифката Гардиева.

Черёмуха росла в саду у дома. Как я любила эти маленькие чёрные ягодки! Забиралась высоко на дерево, собирая их. До сих пор помню вкус пирогов с черёмухой.

По татарским обычаям младший сын, женившись, должен жить с родителями и ухаживать за ними на старости лет.

В нашей семье младший отказался следовать этой традиции, и в деревню пришлось переехать самому старшему из братьев.

Кстати, младший брат привёз из армии русскую жену. Тогда на это смотрели недоброжелательно — татары очень берегли «чистоту крови». Много раз слышала разговоры о том, что супруга дяди была «чёрным пятном» на нашем семействе.

Со временем это изменилось, и сегодня смешанных браков в Татарстане всё больше.

Напротив дома стоял небольшой гараж с жилой комнатой на втором этаже. Дядя построил её для себя, чтобы не будить родителей, когда поздно возвращался домой. Летом эта комната была полностью в распоряжении детей. Сколько интересного там происходило! Под кроватью лежало огромное количество книг и портреты русских писателей, которые я обожала рассматривать. Компьютеров и мобильных телефонов в нашем детстве ещё не было, поэтому мы читали. Иногда даже ссорились из-за некоторых книг. Помню, как пытались читать пьесы Мольера по ролям. Я любила брать что-нибудь из той библиотеки, спускаться к озеру и сидеть на дереве. Там меня никто не трогал. Забиралась повыше, слушала кваканье лягушек и шум камыша. Это было волшебно!

Кривое Озеро... Любимое Озеро... Думаю о нём, и вихрь воспоминаний уносит в те далёкие времена. Хочется всё рассказать, но для этого нужна отдельная книга. Прости за сумбур, дорогой читатель!

Хозяйство было крепкое. Коровы, овцы, куры, гуси. Свиной, конечно, не держали, поскольку мусульмане их не едят. Каждый день наблюдала за возвращением скотины домой с пастбища. Коровы, быки, телята, овцы шли через всю деревню. Они мычали и блеяли. Мне нравилось это зрелище. Было в нём что-то завораживающее. Маленькие дети прятались, старшие помогали взрослым загонять животных в стойла.

Помню сарай, в котором держали скотину. Летом сеновал наверху был местом для сна. Как мы любили там играть! И какой потрясающий вид на озеро с него открывался.

Дед и его старший сын были пчеловодами. Маленький садик, в котором находились ульи, был огорожен невысоким забором, мимо которого мы два-три раза в день спускались к озеру мыть посуду. Брали тяжёлые ведра и шли, слегка наклонившись, чтобы пчёлы нас не трогали. На мостике помещалось несколько девушек. Мы работали, болтали, ловили мелких рыбок в банки и тазики. По вечерам нас кусали комары, от которых мы спасались всякими спреями и прочей химией.

После смерти прабабушки в доме постоянно жили бабушка с дедушкой и дядя с супругой и детьми. У них было три дочери.

Бедная тётушка!

Бедная тётушка! Каждое лето она была вынуждена принимать ораву детей, которых оставляли на лето братья и сёстры её супруга. Помимо заботы о хозяйстве, каждый день ей приходилось готовить по три раза на всю семью, обстирывать малышей, обрабатывать раны, которые случались во время игр, и ещё много всего было на её хрупких плечах.

Когда я была ещё совсем маленькой, дядя, получив работу, ненадолго переехал с семьёй в другое село. Там они жили в светлом красивом домике, там было тихо и уютно. Как-то раз нас с сестрой отправили к ним погостить. В один «прекрасный» день со мной случилась неприятность – поскользнулась на досках и попала одной ногой в выгребную яму. Стеснялась выйти до тех пор, пока за мной не пришли. Бедная, бедная тётушка! Ей пришлось отмывать чужого ребёнка от известной субстанции. Но она молодец, делала это смеясь, всячески стараясь скрыть отвращение. Я очень долго переживала из-за произошедшего.

Дорогой мой читатель, ты, конечно, смотрел индийский фильм «Миллионер из трущоб». Помнишь, кто выиграл тот самый миллион? Правильно, мальчишка, нырнувший с головой в выгребную яму, чтобы получить автограф звезды.

Если ты попал хоть какой-нибудь частью тела в «пахучие субстанции», помни: это как минимум к деньгам!

Эту тётушку я буквально боготворила в раннем детстве. Она меня очень любила. Помню, как сразу после дойки коровы она наливала мне кружку парного молока. Приезжая в деревню, я с радостью бежала к ней обниматься. Она была очень ласковая. Но потом что-то сломалось. Напряжение в доме росло, её отношение ко мне менялось, и я это чувствовала. Не знаю, что стало причиной этой перемены.

В доме были строгие правила, нарушать которые было опасно. Одно из них: ни в коем случае не ссориться с дядюшкиными дочками. Им можно всё. Они принцессы. Гости должны помнить о том, что они только гости. Моя мать боялась ссориться с дядей, так как он мог не пустить её на порог родительского дома. Поэтому мы были вынуждены молча всё принимать.

Мне было тринадцать, когда перед восьмым классом я попала в деревню на всё лето и никак не могла оттуда выбраться. Я умоляла братьев и сестёр матери, приехавших ненадолго, забрать меня с собой. Но все хотели дать ей отдохнуть от детей, посадив нас на шею бедной тётушки.

В одно утро её средняя дочь Регина, которой тогда было девять лет, взяла плётку и больно ударила меня на глазах у своей матери. Та только усмехнулась и ушла по своим делам. Я молча проглотила слёзы.

Спустя много лет мы вспоминали деревню, говорили о разных методах воспитания в семье. Я напомнила Регине, что они были в привилегированном положении, рассказав об этом эпизоде. Она, конечно, тут же попросила прощения. А её мать потом сказала, что это ложь. Понимаю, такие вещи лучше назвать ложью, чем признать, что это было в порядке вещей. Такие же фокусы девочка пробовала проделывать с другими родственниками. Один из них без лишних разговоров кинул её в озеро. А я не могла физически и морально. Ссориться с семейством дяди было опасно. Они с лёгкостью объявляли бойкот провинившемуся родственнику. И потом мы смотрели на их кислые лица и просили прощения, ожидая милости хозяев. Я лично проходила через такое.

В деревне я получила отличное трудовое воспитание. Помимо мытья посуды на озере, мы мыли деревянные полы, ползая на корточках, участвовали в генеральных уборках в доме, пололи огромное картофельное поле и садик, поливали грядки с овощами и фруктовые деревья. Мы помогали готовить еду – чистили картошку, рыбу. Да, именно тогда я научилась чистить рыбу, которую каждое утро ловил дедушка. Мальчишки убрали навоз, косили траву на сено и выполняли прочую мужскую работу. Для меня это был бесценный опыт. Когда мы с мужем купили дом под Минском, я с радостью занималась собственным огородом, сажала овощи, полола грядки, косила газон.

Бедная, бедная тётушка! Как тяжело ей было с нами! Помимо ведения домашнего хозяйства и ухода за оравой чужих детей, она умудрялась работать в школе в соседней деревне, где учились её драгоценные девочки. А когда дядя стал владельцем местного магазина, она ещё и за торговлей следила.

Иногда я ужасно её огорчала. В то же «весёлое» лето 1996-го года как-то раз неосторожно я вышла из комнаты бабушки. Открыв дверь, встретила злобный взгляд бедной тётушки.

– Не видишь, куда прёшь?! – крикнула она.

В это время шла какая-то работа, которую я никак не могла увидеть сквозь деревянную дверь. Должно быть, я очень сильно помешала, следовало как-то иначе покинуть помещение, но не получилось.

Это был, кажется, второй месяц моего заточения. Странная девочка, я побежала на второй этаж и написала слёзное письмо матери, умоляя забрать меня. Попросила одну из её младших сестёр передать его. Не сработало. Домой я уехала только в конце августа.

В один из дождливых дней нашла какие-то детские раскраски и стала аккуратно работать фломастерами. За спиной раздался огорчённый голос тётушки:

– Даааа! Ты ОЧЕНЬ помогаешь моей младшей дочке развиваться! – произнесла она с ехидной злобой.

Я тут же убрала книжку на место и больше не трогала.

У бедной тётушки было много хлопот с нами. Мне так её жаль! И мне ужасно стыдно, что в какой-то момент я стала её ненавидеть, ведь она этого совсем не заслуживает.

Когда я начала работать над книгой и мы с двоюродными сёстрами стали вспоминать жизнь в деревне, одна из них воскликнула:

– Помню, как мы все тебя травили... Мне за это так стыдно! Я уже извинялась многократно...

Да, дети бывают очень жестоки.

Сестра моя!

У нас было несколько возрастных категорий детей. Я была в средней. То и дело мы объединялись в мелкие группировки. Иногда даже дружили против одной из дочерей дяди, но недолго. Моя родная сестра любила всячески демонстрировать власть надо мной всем родственникам и соседям, ведь у татар младшие обязаны подчиняться старшим, особенно в деревне.

Одна из двоюродных сестер вспоминала:

– Мы были на озере. Ты стояла на мостике, вся такая нарядная, в свежeweыглаженном красивом голубом платье с белыми рыбками, и что-то рассказывала, кажется, про лилии. Внезапно сестра подбежала и со всей дури пнула тебя в воду. Ты вылезла ошарашенная и со слезами крикнула:

– Ну, апам!

Мы всегда говорили просто «апа» («сестра» – *там.*), а ты почему-то говорила именно «апам» («сестра моя»).

Мне было так жаль тебя в тот момент! Не могла понять, как сестра может так поступать. Пнуть тебя в воду просто так, ни за что, на глазах у всех. Ладно, если бы ты в купальнике была... Но на тебе было такое красивое свежее платье.

Кстати, у татар принято говорить «апа» (сестра, тётя) или «абый» (брат, дядя) людям, которые старше хотя бы на два-три года. Это «апа/абый» идёт в качестве приставки к имени или профессии.

Особенно удобно, когда забывается отчество того, к кому обращаются. Например, можно сказать «укытучы апа» («тётя учительница») или просто «апа» вместо «Мингульзифа Габдульшарифовна». Это уважительная форма обращения к старшим. Популярного татарского певца Салавата Фатхутдинова многие называют просто Салават абый.

Сегодня к двоюродным сестрам постарше я обращаюсь просто по имени, без приставки «апа». Они не против, а мне в глубине души всё же немного не по себе.

Нужно ли говорить, что и в деревне я старалась всячески избегать сестру? Она с лёгкостью унижала меня, когда мы играли с соседскими детьми, а потом обнимала со своей дурацкой улыбочкой:

– Я же люблю тебя, сестрёнка!

Вот такая странная любовь, свойственная, кстати, не только ей. Однажды пришлось столкнуться в интернете с татаркой, которая публично поливала меня грязью и при этом называла «сестрой», так как мы «одной крови».

У татар такое бывает – сначала хорошенько бьют, физически или морально, а потом лезут целоваться со словами:

– Ты ж мой родной человек! Я тебя люблю!

Ранняя пташка

Было много приятных развлечений в деревенской жизни. Одно из них – катание на лодке. У дедушки была маленькая лодочка, в которой помещалось всего пара-тройка человек.

Я была ранняя пташка. Просыпалась около шести утра и первым делом спускалась к озеру. Наблюдала за уточками в камышах, читала книги или просто гуляла. Однажды встретила дедушку, который нёс свежевыловленную рыбу. Улыбнувшись, спросила разрешения взять лодку. Он, конечно, согласился.

Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Три часа я каталась, любуясь утренней красотой озера. Пела, мечтала, сочиняла стихи и просто наслаждалась тишиной. Самые волшебные три часа!

В девять утра вернулась домой. Сверстники только начинали подниматься с постелей. Говорить о своей утренней прогулке я никому не стала. Через несколько часов мы дружно отправились на озеро кататься на лодке. Каждому досталось минут по десять-пятнадцать. Если бы кто-то узнал об утреннем удовольствии, меня не пустили бы к этому развлечению в ближайшие несколько дней. Но кто рано встаёт, тому Бог подаёт. В тот день подарок был очень щедрый.

Дядя Халим

У дяди Халима был крутой нрав. В деревне его все уважали и немного побаивались.

По вечерам мы ходили в местный клуб, там показывали кино или устраивали танцы. Домой возвращались по тёмным улицам, где легко можно было нарваться на неприятности несмотря на то, что все друг друга знали.

Однажды к нам подошли несколько парней, посветили фонариком и спросили, к кому мы приехали. Кто-то из сестёр назвал имя дяди.

– Девушки, простите великодушно. Передавайте привет дядюшке!

А ещё он отлично играл на баяне. Когда брал в руки инструмент, дом наполнялся весёлыми мотивами, дети танцевали. При всей своей внешней суровости он был очень добрым и мудрым, обожал племянников. Был похож на льва, который способен моментально разъяриться, если ему что-то не нравится, а потом со слезами умиления целовать грудного ребёнка, улыбающегося во сне. Он заботился о нас и защищал. Приходил на помощь, когда просили.

Первое время я его боялась и по-детски ненавидела. Потом отношение изменилось. Видела, каким добрым он был на самом деле. А ещё позже стала жалеть.

Он очень любил нашу бабушку, оберегал её, как мог. Для всех нас она была святая. Когда её не стало, он заметно постарел. Было видно, как в его душе образовалась пустота.

Сегодня я приезжаю в деревню, вижу старую посуду, которой он пользуется. Он отказывается что-либо менять, потому что всем этим пользовалась его любимая мама.

Вот что говорила одна из сестёр, когда я только начала писать книгу:

– Помню, как папа улыбался и говорил про тебя:

– У нас Айгуль летает где-то в облаках. Она словно не от мира сего.

Ты же любила уходить, бродить где-то, мечтать.

«Летящая»

Я действительно любила бродить по окрестностям, как только появлялась возможность побыть одной. В такие моменты летала где-то в прекрасном будущем, рисовала в воображении яркие картины, порой продумывая всё в мельчайших подробностях. Почти всё время я была в кого-то влюблена или кто-нибудь за мной ухаживал. Воображение уносило в параллельную вселенную, где невозможное было возможно, где я получала то, чего не было в реальности. Там я была по-настоящему счастлива.

Когда под рукой нет книг или гаджетов, хорошее воображение и начитанный ум прекрасно спасают от скуки, где бы мы ни находились. Сколько научных трудов было написано образованными людьми, сидевшими в заточении в разные эпохи! Всё это записывалось и переносилось на бумагу при первой возможности. Для мыслящего человека не существует преград. Как показывает история, он может путешествовать по галактикам и параллельным мирам, делать научные открытия, находясь в замкнутом помещении. Именно поэтому сегодня я занимаюсь самообразованием при любой удобной возможности. Мне никогда не бывает скучно.

Однажды мы сидели за столом со старшими сёстрами. Они обсуждали что-то интересное, пока я мыла чашки после чаепития. Регина внимательно слушала. Я же забылась и мысленно улетела куда-то, механически делая свою работу.

– Да, Айгуль? – раздался внезапно чей-то голос. Все смотрели на меня, ожидая какого-то ответа.

Я словно очнулась от долгого сна. Не могла понять, что происходит. Я их совсем не слышала, настолько погрузилась в свои мысли.

Когда я была подростком, дядя находился под влиянием своей супруги, нашей дорогой тётушки, о которой написано выше. Отношения у них были не самые тёплые, но она знала, что и когда ему шепнуть, чтобы было так, как хотела она. В конце концов они разошлись, но меня это уже не касается, поэтому причины развода и дальнейшие события их жизни оставим за кадром.

С особой теплотой вспоминаю, как мы ходили по ночам на песчаный карьер или на берег озера и устраивали пикники. Жгли костры, жарили картошку, хлеб, пели песни под гитару, рассказывали анекдоты. Организатором этих праздников была Лейла – старшая дочь нашей дорогой тётушки. Как это было здорово!

Эту сестру любили все. Она очень добрая, весёлая, компанейская. Её жизнь была далеко не сладкой и безоблачной, но она смогла со всем справиться, забыть прошлое и обрести счастье в браке. У неё прекрасные отношения с супругом, который во всем её поддерживает и носит на руках.

Каждый год мы с нетерпением ждали 12 июля. В комнате дяди накрывали большой красивый стол, принимали гостей, веселились. Дядя играл на баяне. Так мы отмечали день рождения Лейлы.

Я обожаю газированный напиток «Тархун». Дедушка привозил его на своём стареньком мотоцикле. Мы рассаживались на крыльце и с наслаждением пили ярко-зелёный лимонад, морщась от пузырьков. «Тархун» пахнет беззаботным детством в Кривом Озере, солнечным утром на крыльце деревянного дома и доброй улыбкой дедушки.

Пчёлы и мечты

В детстве я хорошо усвоила, насколько «милые» создания пчёлы. Нет сомнений в том, что они очень полезны для человечества. Однако жизнь рядом с пасекой – тот ещё аттракцион.

Ульи стояли во фруктовом саду, куда мы осмеливались входить лишь на закате, когда пчёлы уже отправлялись на покой. Прополкой большого огорода заниматься удобнее было в сумерках, когда просыпались комары.

Одними из самых «весёлых» были дни сбора мёда. Детей закрывали в доме, так как озверевшие насекомые летали повсюду, нападая на всех, кто попадался на пути. Помню, как у магазина дяди остановилась телега. В ней сидели два мужика и чего-то ждали, глядя по сторонам. Вдруг они стали махать руками, отбиваясь от медоносов, а потом побежали в сторону поля.

Каждый год мы хвастались количеством пчелиных «поцелуев», соревновались, у кого больше. То и дело кто-нибудь из детей ходил с опухшим глазом или лежал с температурой. Однажды я пару дней провела на сеновале, чувствуя себя неважно после очередного контакта с пчелой. Даже научилась убегать от них. Это особое жужжание навсегда запечатлевается в памяти, его не спутать ни с чем.

Кстати, именно в деревне я начала мечтать о работе на радио. Несмотря на лёгкое заикание, у меня было желание стать радиоведущей. Когда появился первый магнитофон, мы стали записывать передачу «Айгуль и Ко». Было весело. Взрослые иногда ругались, боялись, что испортим технику, но мы всё равно продолжали эти игры.

Спустя много лет моя мечта сбылась. Полтора года работала на «Русском радио» Кипра. Дома муж оборудовал маленькую студию звукозаписи, где я записываю не только передачи для радио, но и другие аудио- и видеоролики.

Про жизнь в Кривом Озере можно рассказать много интересного.

Глава 9. Семья

Пусть ей станет легче

После долгой прелюдии перейдём к основной части повествования, к самому главному.

Расскажу о том, какой была я и какими были люди, оказавшие на меня самое большое влияние, каким образом ковался внутренний стержень, что помогло выжить и осуществить мечты.

Как ты уже знаешь, дорогой читатель, отца я лишилась очень рано. Мы остались втроём: мать, сестра и я. Наступили тяжёлые времена. Отец старался максимально снять с себя материальную нагрузку, и мать, помимо основной работы на птицефабрике, подрабатывала, как могла. С нами ей помогали младшие сёстры, которые жили у нас в разные периоды.

С раннего детства я была нелюдистой, никого к себе не подпускала. Если у кого-то в альбоме оказывалась фотография со мной на руках, обычно возникал вопрос:

– Это Айгуль? Как она пошла к тебе?

В семье меня называли Пятницей, как туземца, которого спас Робинзон Крузо. Когда мы собирались у кого-нибудь из родственников, часто бывало, что мать находила меня играющей с куклами в тихом уголке, тогда как все остальные дети шумно носились по квартире.

Долгое время после ухода отца я не улыбалась на фото. На снимках в выпускной группе детского сада я сижу, глядя куда-то в сторону. На мне любимое платье и красный бант на голове, но взгляд грустный. Именно в этом возрасте появились первые суицидальные мысли.

Прошло больше тридцати лет, а я прекрасно помню тот день, когда впервые отчаянно захотела умереть, чтобы матери стало легче.

Я сидела в детской комнате на диване перед зеркалом шифоньера. Мать, как обычно, ругалась из-за очередного нашего проступка. Не помню, какое преступление я совершила, но она ругается, клянёт нас последними словами, причитает, тяжело вздыхает. Младшие тётки ей поддакивают, добавляя масла в огонь. Я сижу перед зеркалом и плачу. Маме тяжело с нами, мы для неё – обуза. Боже, заведи меня отсюда! Пусть ей станет легче! Я плачу и мечтаю о смерти, чтобы ЕЙ СТАЛО ЛЕГЧЕ!

В первом классе я попала в больницу после отравления дихлофосом, которым мать травилa вшей. Меня положили одну в палату со взрослыми. Они были очень заботливые, но всё равно ужасно хотелось домой. Написала письмо на татарском языке, полное любви и тоски по матери. Она приходила каждый день, приносила продукты, была ласковой и доброй.

Да, когда кто-то болел, она была доброй. Если ночью поднималась температура и ухудшалось самочувствие, я, боясь идти к ней в спальню, начинала тихо стонать. Она это слышала и прибегала с градусником.

Когда я болела, ругань в доме прекращалась. Мать становилась заботливой и ласковой, играла со мной в карты, шутила. От этого становилось легче, температура падала, болезнь отступала быстрее. Когда я попадала в очередную больницу, она приходила каждый день, приносила сладости, баловала, как могла.

Когда болели бабушка с дедушкой, она бросала все дела и ухаживала за ними. Организовывала дежурство среди ближайших родственников. Тратила кучу денег на лекарства и «благодарности» врачам и прочему медперсоналу. Вот у кого стоит поучиться заботе о старших.

Я была ужасно болезненным ребёнком. Сколько хлопот доставила бедной матери! Когда я была маленькой, она водила меня по поликлиникам сдавать анализы, делать уколы и прививки. Я быстро научилась молча переносить медицинские процедуры. С медиками всегда складывались лучшие отношения, кроме одного случая.

Когда мне было четырнадцать, правительство приняло программу, дававшую возможность детям заработать денег в период каникул. Я пошла работать в Медгородок, убирать территорию. Придя однажды домой после работы, легла спать. Спала долго. Мать забеспокоилась, стала будить. Я просила оставить меня в покое, ибо спать хотелось ужасно. Вызвали врача. Во время осмотра не могла сидеть, очень хотелось лечь. Увезли на «скорой» в инфекционную больницу с подозрением на менингит. Когда пришла в палату и не смогла застелить постель самостоятельно, вдруг испугалась. Все эти годы во время каждой ссоры с матерью или сестрой я думала о смерти как о спасении. А тут стало страшно. Поняла, что не хочу умирать. Хочу жить! Именно в тот день суицидальные мысли стали отступать. Я не готова умереть! Хочу жить! Но это было минутное явление.

Пришла в себя через несколько дней, стала ходить по палате. За окном ужасный вид на заброшенную стройку. Полное ощущение апокалипсиса. В конце концов сбежала, поскольку вид из окна убивал. Спать не могла, крутило живот. Через несколько дней пришла за справкой для предъявления на работе. Лечащий врач не повернулся в мою сторону. Говорил холодно, через медсестру. Стало ужасно стыдно, но что я могла поделать?

Став старше, по врачам в основном бегала сама. Благо, тогда это всё было бесплатно.

Бёдрышко? Крылышко?

Да, характер у меня был далеко не сахар. Я была упрямой, своенравной, знала, чего хотела. Говорить начала рано, была большая болтушка и фантазёрка. Тараторила я без умолку, и мать часто просила помолчать.

Как и все нормальные девочки, могла на ровном месте устроить истерику. Помню, однажды мать приготовила курицу. Мы с сестрой стали спорить о том, кому достанется крылышко, кому бёдрышко. Мне нужна была истерика, поэтому сначала потребовала крылышко, а потом обиделась, что не дали бёдрышко. Бедная мать! Она всячески старалась погасить конфликт, приходила потом в детскую, предлагала оба кусочка. Но я отворачивалась, обиженная и заплаканная.

Сегодня подобные фокусы выкидывают мои дочери. Истерика на ровном месте – обычное дело. Вспоминая себя, даю ребёнку прокричаться, ведь он просто хочет выпустить пар. Иногда бывает трудно сдерживать эмоции, дети порой мастерски выводят взрослых из себя. Спасает понимание того, что это естественное поведение для девочек, а может, и для мальчиков, в возрасте от двух до четырёх-пяти лет. Как говорит один из моих знакомых, мальчики в этом случае начинают драться.

Когда старшая дочь научилась отслеживать свои состояния, я стала спрашивать:

– Тебе хочется просто поплакать?

– Да, мама, хочу поплакать.

– Что-то случилось, или не можешь понять причину?

– Не знаю почему, но хочется плакать.

Тогда я обнимаю её, и через пару минут слёзы высыхают. Тут важно принятие и понимание того, что иногда ребёнку нужно просто выпустить пар. Он цепляется за любую возможность, чтобы устроить истерику, подраться или поплакать.

Едва научившись говорить, стала требовать, чтобы со мной говорили по-взрослому. Терпеть не могла сюсюканья. Даже слово «подушка» казалось слишком уменьшительно-ласкательным.

– Подуха! – восклицала я.

В первом классе обратила внимание на то, что очень скоро дети переняли манеру речи учительницы. Они начали произносить некоторые звуки, как она. Я была упрямая. С удивлением и возмущением наблюдала за тем, как вели себя одноклассники. Сейчас трудно вспомнить, как именно разговаривала учительница, но помню, что дети перестроились под неё.

В Татарстане татары делятся на казанских татар, мишарей и кряшенов. Есть различия в диалектах, манере произношения некоторых звуков и в характерах. По тому, где родился человек, можно определить, татарин он или мишарь. В Нурлатском районе преимущественно живут мишари. Они, естественно, отличаются от тех, кто живёт в других районах.

Например, слово «чаба» («бежит») по-татарски можно произнести по-разному: [цаба], [щабa], [чаба], в зависимости от диалекта.

Нас, мишарей, ещё называют татарскими евреями. Считается, что мы более воинственные, хитрые, оборотистые, пронырливые, смелые. Некоторые нас даже побаиваются.

Не чавкать!

У матери была одна особенность, которая многому меня научила: она патологически страдала от звука чавканья. Как чувствует себя большинство людей, когда кто-то скребёт ногтем по стеклу? Правильно, это вызывает жуткое раздражение на физическом уровне. Точно так же, а может быть, и ещё сильнее мать страдала, когда кто-то рядом чавкал.

С самого раннего детства я привыкла следить за собой, слышать себя во время еды. Есть при матери нужно было очень аккуратно. Малейший неверный звук – быстрый испуганный взгляд на мать и неизменно суровое выражение её лица. Ещё несколько неверных звуков, и в доме поднималась буря, в ходе которой нам рассказывали, что мы неблагодарные сволочи, фашисты и паразиты, которым мать нужна только ради денег. Подобные тирады длились либо всё оставшееся время трапезы, либо продолжались потом, когда наводился порядок в кухне. Иногда она просто выгоняла нас из-за стола. Трапеза в присутствии матери всегда напоминала прогулку на канате над клеткой голодного тигра, который следит за своей жертвой в ожидании неверного шага.

Всех друзей мы приучили не чавкать в нашем доме. Когда садились за стол, по возможности закрывали дверь, чтобы мать не слышала, как едят недрессированные дети. Новичкам всё время напоминали:

– Только, пожалуйста, не чавкай! Не чавкай! Не чавкай! У нас чавкать нельзя!

По большей части мать не садилась за стол с нашими друзьями. Она всех встречала радушно, с шуточками-прибауточками, но потом уходила, чтобы не мешать нам чавкать. Друзья часто говорили:

– У вас такая добрая мама!

В 22 года я уехала в Беларусь. Когда ждала мать в гости, за две-три недели начинала прислушиваться к тому, как едят люди вокруг. А готовясь к свадьбе, гостей рассаживала так, чтобы любители почавкать были максимально далеко от матери.

Во время очередного её визита на свой страх и риск пригласила друзей на ужин. Не хотела, но дорогая мамочка сказала, что будет рада пообщаться. Всех предупредила, чтобы следили за собой, но один из гостей, не привыкший закрывать рот во время еды, конечно, стал громко чавкать. Сделать ему замечание показалось неприличным, ведь перед встречей всё было оговорено. Я сидела за столом, как на иголках, ненавидела гостя, понимая, как страдала матушка. Если бы он пришёл ко мне, когда жила в её доме, сразу после его ухода меня бы морально уничтожили, но тут как-то обошлось. Она лишь очень выразительно промолчала. Отношения с друзьями на некоторое время испортились, так как в ответ на моё: «Я же просила не чавкать при матери», – было сказано что-то, что показалось в той ситуации неприемлемым.

Готовясь к её последнему визиту в мой дом, уже на Кипре, снова начала слышать, как едят друзья. Малейший намек на чавканье раздражал, становилась сама не своя. Я слушала происходившее вокруг ушами матери и даже поссорилась с кем-то, когда сделала замечание по поводу звуков во время еды.

Мать очень боялась, что её особенность передастся нам. Говорила, что не хотела бы, чтобы мы страдали так же, как она. Сама она боролась с этим недугом, обращаясь к врачам и разным околонучным специалистам, но ничего не помогло.

Нам она говорила, что это только её проблема, поэтому не следует на этом слишком акцентировать.

Но как можно не замечать того, как едят окружающие, если с самого раннего детства мы пугались собственных неверных звуков? Если мы прислушивались к нашим гостям и боя-

лись, что кто-то обидит любимую мамочку? Своё раздражение она потом срывала на нас, и это было дополнительным стимулом, чтобы помнить о её недуге.

В какой-то момент меня стали раздражать люди, не умеющие закрывать рот во время еды. Некоторые и сегодня вызывают отвращение, хотя и гораздо меньше, чем раньше.

С матерью я уже много лет не общаюсь, кроме того, я прошла длительный курс интенсивной психотерапии, поэтому сейчас этой проблемы у меня почти не осталось. Не нужно прислушиваться к людям, чтобы понять, можно их сажать за один стол с близким человеком или нет. Мои дети едят с закрытым ртом. Замечания я делаю им крайне редко исключительно для того, чтобы объяснить правила приличия.

Отношение матери к чавканью – мой первый урок самоконтроля. Уметь слышать, как я ем, стараться делать это бесшумно, следить за собой – это полезно.

Мой грех

Внешне я очень похожа на отца. Привычки, некоторые манеры и, конечно, болезни – многое передалось от него. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь характер ребёнка формируется в первые пять-шесть лет жизни. Потом можно только корректировать.

Например, я люблю играть бровями. Получается забавно. Когда делала это при матери, она часто злилась и восклицала с досадой:

– Прямо как твой отец!

Когда готовили рыбу, её я тоже ела в его манере:

– Прямо как твой отец!

Один из моих детских грехов – я слишком похожа на отца. Он ушёл из дома, оставив вечное напоминание о себе в моём лице.

Бедная, бедная мамочка!

Чистота на «пять с плюсом»

У татар есть прекрасная черта – чистоплотность. Временами патологическая.

Один из моих дядюшек, страдавший от алкоголизма и рано покинувший этот мир, поражал тягой к чистоте. Он был в стельку пьян, но в доме его было чисто даже после ухода жены с детьми. На нём всегда была свежая одежда, и носки его никогда не воняли. Он был весельчак и балагур, всегда чистенький и аккуратный.

Мать с раннего детства приучала нас к чистоте. Чего только она ни делала, чтобы заставить нас самостоятельно наводить порядок в её отсутствие! Полы мы мыли каждый день. В какой-то момент она даже начала нам платить, составив прейскурант, расписав все виды домашней работы. Мы отмечали в графике, кто что сделал. Прожила эта затея недолго и закончилась печально. Я разорвала схему, так как сестра отмечала работу, которую не выполняла. Часто выбирала то, что полегче, а потом садилась на диван со словами:

– Айгуль, сделай!

Если я не подчинялась, в ход шли кулаки – как всегда, с особой жестокостью.

Требования к чистоте были самые высокие. Мы тщательно мыли посуду, полы, окна и вообще всё, что нужно было мыть. Некоторые кастрюли перемывали по несколько раз. Я научилась видеть и чувствовать пальцами серые ободки на внутренней поверхности, которые ужасно раздражали мать. Крышки отмывались так же. В металлических изгибах посуды никогда не было жёлтых застарелых пятен.

Однажды поехала в гости к женищине, которую ставили мне в пример как образец чистоты и порядка в доме. После трапезы взялась мыть посуду и была поражена тем, насколько грязными были крышки и кастрюли у взрослого человека. Там были те самые жёлтые застарелые пятна, не отмывавшиеся годами. Удивилась, что кто-то может так жить. В татарских домах я такого не видела. По старой привычке стала тщательно тереть и часть отмыла, но этого, уверена, никто не заметил.

В ванной комнате и туалете у нас лежала квадратная чёрная плитка размером около трёх-четырёх сантиметров. После купания мы должны были вытирать пол тряпками, которые находились тут же. Мать требовала, чтобы было чисто и абсолютно сухо. Но влажными тряпками высушить плитку было невозможно. Полотенцем нельзя, ведь оно одно на всю семью, да ещё потом придется вытирать им лицо. Как я ни старалась высушить пол, это не получалось. В конце концов сидела каждый раз в ванной и ждала, пока всё не высохнет само, чтобы не слышать ругани матери. Я ненавидела эту чёрную плитку.

Большой эпопеей было мытьё окон два раза в год. Каждую сторону стекла мы тёрли по несколько раз. Окно состояло из четырёх элементов. Плюс хорошенько вымывали рамы. Сначала убирали грязь мыльной водой, потом – чистой, затем вытирали насухо. Особое внимание уделялось уголкам, из которых следовало достать всю грязь. Окна можно было мыть только тогда, когда на них не падало солнце, чтобы не оставалось разводов, ведь стекло сохнет быстро. Рамы были деревянные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.